

АНДРЕЙ БУРОВСКИЙ

Наполеон- спаситель России

Вся правда о России

Андрей Буровский

Наполеон – спаситель России

«Яуза»

2009

Буровский А. М.

Наполеон – спаситель России / А. М. Буровский — «Яуза»,
2009 — (Вся правда о России)

200 лет назад Русская Православная Церковь объявила его «антихристом» и предала анафеме. До сих пор его проклинали как «самого страшного врага» Российской державы. Нам со школьной скамьи внушают, что нашествие Наполеона поставило нашу страну на грань катастрофы, что на полях сражений Отечественной войны 1812 года решалось, быть или не быть России. Новая шокирующая книга самого «неуправляемого» и скандального современного историка не оставляет от этой официальной версии камня на камне, переворачивая наши представления о прошлом, убедительно доказывая, что, вопреки расхожим мифам, Наполеон был спасителем России! Как? Почему? Читайте новый сенсационный бестселлер от главного «возмутителя спокойствия»!

© Буровский А. М., 2009

© Яуза, 2009

Содержание

Введение	6
«Шторм» XIX века	6
Баллада о Наполеоне	8
Мифология	9
Часть I. Бездна, породившая наполеона	10
Глава 1. Кошмар французской революции	10
Революция или гражданская война?	10
Одно событие или несколько?	11
О величии революции	15
«Земля – крестьянам»? Или все же не крестьянам?	15
Создание вожденной республики	16
Территориальная реформа	16
Введение метрической системы	16
Самое главное	18
Глава 2. Как это было?	19
О механизме начала	19
Невероятная роскошь двора	20
О преступлениях королевского режима	21
Болтуны	21
Великая история гениальной энциклопедии	24
Значение «Энциклопедии»	25
Как Мирабо боролся с метеоритами	26
Энциклопедисты и короли	26
Мудрецы или глупцы?	28
Гвардия народа?	29
Величайший фарс Великой Французской революции	30
Роль прессы	34
Увековечили...	35
Главный освобожденный	36
Двоевластие по-французски	37
Пленение короля	38
Главный политический фарс	39
Нарастающий хаос	42
Глава 3. Как якобинцы боролись за счастье народа	46
Фруктозы из нивоза	47
Враги народа	49
Изобретение доброго доктора Гильотэна	51
Развал страны	52
Конец	54
Директория как директория	55
Глава 4. Революционные войны	56
Кто кому был опасен?	56
Кто хотел войны?	57
Французская армия – революционный развал	57
Передовая армия Европы	58
Новая французская армия	58

Наивные австрийцы	59
Затяжная европейская война	59
Часть II. Император республики Франция	61
Глава 1. Спаситель нации	61
Сын Корсики	62
Наполеоне на русской службе?	63
Корсиканский сепаратист	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Андрей Михайлович Буровский

Наполеон – спаситель России

Кто к нам с чем и зачем, тот от того и того.
Народная поговорка

*Всем живым существам, погибшим в эпоху наполеоновских войн, за
исключением тех, кто эти войны организовывал, ПОСВЯЩАЕТСЯ.*
Автор

Введение

«Шторм» XIX века

У красноярского писателя Александра Бушкова в нескольких книгах есть интересная идея. Миры, созданные его фантазией, порождены эпохами «хаоса»¹ или «шторма»². «Хаос», «шторм» и «выюга» – цепь катастроф, войн, революций, стихийных бедствий, которые полностью хоронят старый мир. После этого «шторма» жизнь уже никогда не будет такой, как прежде.

Иногда гениям удается очень точно выразить то, что не удастся специалистам. В истории хорошо видны «штормы» и «выюги», знаменующие гибель одних обществ и начало других.

Один из «штормов» предки назвали почти по Бушкову: «смутой». Смутным временем.

«Штормом» или «выюгой» был период с 1914 по 1945 год. 31 год сплошных революций, войн и гражданских войн, совершенно изменивших мир.

Период 1789–1815 гг. был таким же «штормом». 26 лет между Французской революцией и вступлением союзных войск в Париж не было мира в Европе.

Революция 1789 года плеснула кипятком в соседние государства: чтобы всем народам Европы принести неслыханное счастье «свободы, равенства и братства».

Соседи оскалились железом, поклялись не допускать революционной пропаганды в свои государства. Они готовились к войне, но сами войны не начинали. Войну начала укушенная революцией Франция. 20 апреля 1792 г. Франция объявила войну Австрии: Австрийская империя принимала у себя бежавших из Франции аристократов, придвинула войска к границам Франции, официальные лица Австрии и Пруссии делали высказывания, обидные для «революционного народа». С этого началась череда войн, сотрясавших Европу добрых 23 года, до 1815-го. Это была череда непрерывных войн Франции со всей остальной Европой.

Революция революцией, но помимо них шел спор европейских государств о главенстве. Франция как начала войны, так и продолжала их независимо от политического строя. В этой несчастной стране калейдоскопически менялись «руководящие идеи» и границы. Жуткой химерой мелькнуло причудливое государство якобинцев, унося с собой миллионы жизней и судеб. После них безумный разрыв с собственной историей сменился опорой на национальные ценности. Скороспелая республика плавно перетекла в империю. Это была уже совсем другая монархия: не тысячелетняя империя династии Бурбонов, а совершенно новая империя, под скипетром новой династии.

¹ Бушков А. Анастасия. – Красноярск, 1996.

² Бушков А. Рыцарь из ниоткуда. – СПб, 1996.

Но Франция продолжала воевать и на короткий миг стала сильнейшим государством Европы.

В других государствах тоже вспыхивали восстания и революции, менялся политический строй и границы. Россия все время балансировала на грани колоссальных политических перемен. Но все эти 23 года одно оставалось неизменным: то вспыхивали, то на время останавливались ожесточенные войны. С чем мы имеем дело: со множеством разных войн? Или с одной войной, которая то вспыхивает, то затихает?

По масштабам событий войны 1792–1815 годов – настоящая мировая война. 23 года длились эти страшные события. В походах и сражениях приняли участие до 15 млн человеческих существ. Войны унесли не менее 4 млн человеческих жизней.

Войны изменили лицо Европы. Решая судьбы мира в Вене осенью 1815 года победители из всех сил пытались вернуться к тому, что провалилось навек в 1789-й. Не вернулись. Мир после 1815 года был совершенно не похож на мир не только середины, но даже самого конца 18-го столетия.

Во-первых, Наполеоновские войны окончательно похоронили европейский феодализм. Можно было быть за Наполеона или против, но во всех странах Европы вводился «Кодекс Наполеона», и приходилось разрешать частное предпринимательство, ограничивая права государства и аристократии.

Во-вторых, изменилась сама концепция государства. Франция провозгласила себя империей... Но одновременно провозгласила себя и национальным государством французов. Такая «последовательность» характерна для всех революций. Но в XIX веке и правда развалилась Австрийская империя, на «зато» объединились Италия и Германия. Германия, правда, не успела объединиться, как тоже объявила себя империей... Гм...

Во всяком случае, идея национального государства вылетела, как джинн из бутылки, и стала важным фактором политики. Что только во имя этой идеи не творили! После Первой мировой Европа окончательно состоит из так называемых национальных государств, и это вовсе не так замечательно, как принято полагать.

В-третьих, XIX век состоялся как век сплошных революций. Франции мало было 1789 г. В ней революции гремели и в 1831, и в 1848, и в 1871 – м, не считая множества переворотов и бунтов, «не дотянувших» до революций. За тот же XIX век в Италии произошли 2 революции, в Испании – 4, в Германии – 3, в Австрии – 2, в Латинской Америке – несчетно.

А были ведь и национальные революции, за освобождение от имперского государства. Поляки стремились избавиться от трех разделивших Польшу империй. Чехи, словаки, карпатороссы, словенцы, сербы и хорваты хотели выйти из Австрийской, позже из Австро-Венгерской империи. На Балканах спешно строились национальные государства и кровь лилась рекой. Ирландцы стремились освободиться от Британии. Баски – от Испании. Норвегия – от Швеции и Дании.

Полное впечатление, что мир посмотрел на Францию как на лидера в делах революций... И взял с нее не очень хороший пример.

Что самое удивительное – все эти события прочно связаны с именем одного человека: Наполеона Бонапарта. Эпоху 1914–1945 годов никому не приходит в голову назвать «периодом гитлеровских войн». Наполеону «повезло» намного больше.

Баллада о Наполеоне

Кто сейчас помнит, почему французские войска в 1792 году вошли именно в Италию? Кто, кроме профессиональных историков, правильно назовет причины континентальной блокады? Кто такие маршал Блюхер, герцог Веллингтон или адмирал Нельсон? Все эти факты мало интересны, имена полузабыты. Все меньше людей на земле помнят таких героев, как Фигнер или Денис Давыдов.

А вот Наполеон!!! Благодаря распространению грамотности, а еще в большей степени кино, сегодня о нем знают даже больше людей, чем знали в 1815 году.

Трудно найти человека, о котором больше говорили бы и при жизни, и после смерти. Знаменитый коньяк «Наполеон»... Торт «Наполеон». Сорт чая «Наполеон». Ночные клубы «Наполеон». Благодаря торту и коньяку даже китаец или индеец кечуа из Южной Америки получает представление о Наполеоне.

Наполеон – это «бренд», за прикосновение к которому платят громадные деньги.

Письмо Наполеона Бонапарта его будущей жене Жозефине де Богарне, ушло с молотка на лондонском аукционе Christie's за 557 тысяч долларов (276 тысяч фунтов стерлингов).

Зуб Наполеона Бонапарта был продан с аукциона за 22 тысячи 600 долларов США.

Настоящее письмо или подделка? Не знаю. Подлинность зуба вызывает еще больше сомнений. Не зря же появился злой анекдот:

– Это череп Наполеона.

– А этот, маленький череп? Рядом с большим?

– А это череп Наполеона, когда он был еще мальчиком.

Классический вид помешательства – объявить себя Наполеоном. Надеть на голову сделанную из газеты треуголку и объявить свой пиджак «серым походным сюртуком». И готово – к вашим услугам обитая войлоком палата, в которой раньше сидел «прокурор» или «головка сыра».

Култ Наполеона буквально пережил века.

Сама эпоха получила название по имени Наполеона. Наполеоновские войны, эпоха Наполеона – понятия, известные не одним историкам. Историки спорят, считать ли итальянскую кампанию (1796–1797) и египетскую экспедицию (1798–1799) первыми «наполеоновскими войнами» или последними «революционными войнами». С одной стороны, тогда Наполеон еще не был императором... С другой стороны, он уже командовал. С третьей – французская армия еще несла идеалы революции... С четвертой стороны, в Египет она уж точно ничего не несла, кроме штыков... Историки находят даже «с двадцатой стороны», обсуждая эту важнейшую проблему.

Если даже Наполеоновские войны начинаются «только» с 1800 года, когда Наполеон стал первым консулом и императором, все равно они логически продолжают «революционные войны».

Мифология

Было бы по меньшей мере странно, если бы страшная и славная эпоха не создавала своих мифов. Было бы еще более странно, если бы и впоследствии о Наполеоновских войнах не ходило бы невероятного количества самых фантастических мифов.

Самый распространенный и самый простой из них: «в 1812 году французы воевали с русскими». Готово, уже чистой воды мифология. В Великой армии Наполеона французами были самое большее 50 %. А называют и другие цифры – вплоть до 30 %. Армия Российской империи состояла не из этнических русских, а из всех подданных империи. Известен случай, когда Кутузова спросили: отпевать ли убитого татарина вместе с православными? С одной стороны, дикое кощунство. С другой – муллы поблизости нет, а могила уже выкопана, армия на марше, и если отнести в сторону труп мусульманина, солдат Российской армии так и сойдет в эту могилу без благоуханного дыма молитвы. Кутузов подумал и велел: «Отпевать!» Отпевать вместе со всеми.

Какие уж тут национальные разборки русских с французами.

Еще один миф – массового героизма русского народа. Как появилась на границах армия Наполеона – так русские толпами кинулись спасать Отечество от супостата. Этот миф как-то слишком многого не объясняет – например, откуда в Великой армии Наполеона взялся Русский корпус аж из 8 тысяч человек. Не объясняет он и почему многих подданных России, воевавших у Наполеона, потом довольно легко прощали. Хотя бы кавалера ордена почетного легиона, капитана Великой армии Яна Тадеуша (Фаддея Венедиктовича) Булгарина.

Как принято говорить в таких случаях, «все было сложнее». И намного сложнее, чем в мифе.

Среди всего прочего считается, что Наполеон очень хотел погубить Россию. Ну, очень хотел, да не смог! Сил не хватило, массовый героизм русских помешал, гений Кутузова оказался выше наполеоновского... Даже русские холода называют в числе погубителей Наполеона. Так же точно иным хватает совести называть «генерала Зиму» как главную силу, остановившую вермахт в 1941 году под Москвой. Наполеон непременно погубил бы ненавистную Россию, да тут, понимаешь, морозы.

Реальность же в том, что никаких сильных чувств к России Наполеон никогда не питал. Останься Российская империя его союзником, совсем было бы хорошо. Пришлось воевать – он и воевал, причем пока не стал проигрывать, воевал без особенной злости.

Еще реальность в том, что Наполеон не погубил Россию. Он даже не нанес России существенного вреда. Фактически Наполеон спас Россию. Может быть, и не хотел. Скорее всего, не ждал такого результата. Но что спас – это факт, тут ничего не поделать. Потому что в этот период истории для Российской империи была опасна в основном одна страна – она сама. Внешний враг мог погубить ее, расколов русское общество. А мог спасти, заставив россиян сплотиться против внешнего врага.

Судя по месту, которое занимает Наполеон и наполеоновская эпоха в национальных мифах русского народа, Наполеону это блестяще удалось! Он сумел сделаться страшной «букой». Русские пугали друг друга этой «букой» больше ста лет.

Почему Наполеон сыграл в истории именно такую роль, а не другую? Почему он не решился до конца быть «освободителем» народов империи, в том числе русских? Почему он оказался для русских узурпатором худшим, чем любой свой правитель? Об этом и книга. А чтобы это правильно понять, придется начать издалека – с событий, породивших и самого Наполеона.

Часть I. Бездна, породившая наполеона

Диктатура толпы всегда готовит диктатуру сабли.
А. Ривароль

Глава 1. Кошмар французской революции

*Революция – это когда несколько тысяч болтунов спустили с цепи
несколько миллионов дикарей.*
Лорд Кларендон

Революция или гражданская война?

Что называется революциями? Революция – это насильственное решение вопроса о власти. Но, во-первых, революция – событие достаточно короткое. Революция, которая длится пять лет, с июня 1789, по июль 1794 г. – это уже не революция, а полноценная гражданская война! Ведь гражданская война – не что иное, как затянувшаяся революция. Революция, в ходе которой никакая сила не смогла быстро победить.

Наша Гражданская война длилась меньше. Формально она началась на рубеже 1917/18 года и завершилась осенью 1920-го. Фактически, конечно, боевые действия шли до конца 1921 года, а в Сибири – и до 1924 года. Но это – на периферии колоссальной страны. И вообще за гражданскими войнами всегда тянется длиннющий «хвост». Никакая победившая сила никогда не сможет ни перебить до последнего человека, ни «перевоспитать» своих врагов. Гражданские войны, затухая, тянутся десятилетиями.

Французская революция тоже не кончилась в 1794 году. Переворот 9 термидора (27 июля) 1794 года вроде бы положил конец революции. Но за пределами Франции жило несколько сотен тысяч политических эмигрантов, и они жаждали реванша. В самой Франции жили и сторонники феодализма, и сторонники всевозможных, всегда разных «революционных» идей. Пока шли войны, а полиция оставалась эффективной, они не могли воевать.

Но как только победители Наполеона, союзные войска, входят во Францию в 1814 году, всю страну охватывают вспышки насилия французов друг над другом. Это вовсе не какая-то страшная тайна, не какое-то новое знание. Стоит взять любую книгу об этой эпохе. Например, детективную классику, «Граф Монте-Кристо». За что попал в тюрьму главный герой романа Эдмон Дантес? За то, что привез письмо Наполеону на остров Эльба. А письмо-то послано заговорщиками, намеренными снова посадить его на престол.

И потом в романе много раз описываются политические убийства, восстания и выступления уже в 1820-е годы: шлейф «революции», который продолжает тянуться за ней и после стабилизации власти.

У нас было точно так же. Последние повстанцы, казаки и крестьяне, разбиты красными только в 1929 году. Басмачи воевали до 1934 года. В начале 1930-х коллективизация заставила говорить о «второй гражданской». Война с Белой армией на территории других стран велась фактически до начала Второй мировой войны. В ходе этих действий белые взрывали партийный клуб на Мойке в Петербурге, красные отравили барона Врангеля, захватывали в Париже лидеров белого движения Кутепова и Миллера. Шла стрельба, рвалась взрывчатка, лилась кровь.

Вторая мировая, помимо прочего, стала Гражданской войной для всех народов Европы – и для всех народов Советского Союза тоже. Уже через 23 года после начала Гражданской в 1918 году.

9 мая 1945 году армия А.А. Власова освободила Прагу.

12 мая американские офицеры сообщили, что все чешские территории передаются Советам и что РОА не будет позволено войти в американскую зону оккупации. 12–14 мая шло массовое неорганизованное бегство людей; американцы доносили, что «белые русские» бегут от Красной Армии, «как звери». Руководство армии приказало открыть огонь по спасающимся русским, велело «задержать всех белых русских и выдать их Красной Армии». Спаслись буквально единицы, большая часть «белых русских» была уничтожена «красными русскими» – американцы и чехи только помогали победителям в Гражданской войне. Было это через 27 лет после 1918 года.

Но и у французов было точно так же! Войны 1800–1815 годов были для них гражданскими, потому что французы воевали друг с другом в составе и наполеоновских войск и войск антинаполеоновской коалиции. Это кончилось только в 1815-м, через 26 лет после начала Французской революции 1789–1794 гг. Даже цифры почти совпадают: 27 и 26 лет.

У французов даже тянулось дольше, чем у нас. В СССР, конечно, до середины 1950-х шло сопротивление бандеровцев и «лесных братьев» в Прибалтике, НКВД проводило операции против Народно-трудового союза в Германии до 1959 года (41 год от 1918-го).

Но во Франции вся череда революций вплоть до Парижской коммуны 1871 г. прямо звали к памяти 1789-го и 1793 годов! Взрыв Французской революции детонировал через 82 года, через 3 поколения. Так что французы нас покруче будут.

И конечно же, события 1789–1794 следует считать гражданской войной. Раз принято говорить «революция» – будем придерживаться общепринятой традиции. Но будем иметь в виду: в мае 1789 года в Королевстве Франция началась гражданская война.

Одно событие или несколько?

Революция – это свержение старой власти и установление новой. Вот только цели рвущихся к власти могут быть самые разные. Марксисты всегда уверяли, что при революции старый строй всегда реакционный. В государстве же созрел новый общественный строй, который старая власть не желает признавать и учитывать. Чтобы двигаться дальше, нужно изменить законы – те правила игры, по которым живет государство. Если власть отказывается это сделать сама, созревает революционная ситуация. Правящий класс не хочет подобру отдавать власть, и потому надо силой захватить эту власть.

В таком государстве возник новый общественный класс, который уже имеет влияние и распоряжается собственностью. Но власть его не признает, и этот слой не может прийти к власти законным путем. Новый класс стремится прийти к власти, чтобы изменить общественный строй, сменить реакционные правила игры прогрессивными.

Скажем сразу – не марксисты это все придумали. Таково было мнение всей или почти всей европейской интеллигенции. Новое – хорошо, старое – плохо. Революция – нечто увлекательное, романтическое и полезное.

Столкнувшись с мрачными и грязными реалиями революции, довольно большая часть русской интеллигенции уже в мае 1917 года вполне искренне пришли к выводу: революция какая-то ненастоящая. «Правильная революция» – это весело, романтично и ведет к немедленным историческим свершениям. Та, что происходила на самом деле, «почему-то» оборачивалась пьяной расхристанной матросней, лужами крови и трупами на улицах, самогоном и чудовищной грубостью. Без видимого результата.

Но эти «разочарования» еще независимы от целей революции. Смена реакционного строя прогрессивным всегда сопровождается развалом городского хозяйства, а соответственно, кострами на улицах, падением порядка, а потому пьяной расхристанной сволочью с винтовками в давно не мытых лапах, развалом экономики и потому голодом и холодом.

Но самое главное – даже ценой одичания и жестокости, насилия и смертей далеко не всегда удастся сделать хоть что-то «прогрессивное».

По крайней мере в двух случаях революция исходно делается вовсе не для смены «реакционного» строя «прогрессивным».

Иногда революция ведется не для того, чтобы сменить экономический и общественный строй. Ее цель – привести к власти представителей другой нации. Венгерская революция 1848 года вовсе не собирались заменять феодализм капитализмом. Венгры хотели создать независимое Венгерское государство, в котором «титულными» были бы венгерский язык и культура. Они почти добились своего, отделились от Австрийской империи и тут же начали воевать со словаками и поляками, чтобы не дать им сделать свои национальные революции и отделиться от Венгрии.

Итальянские «карбонарии» тоже стремились создать единое Итальянское государство. Сицилийцев и корсиканцев из этого государства они не отпускали, а политический строй в Италии остался самый что ни на есть «реакционный».

Уже в XX веке Ирландия отделилась от Британской империи. И в этом случае Ирландия осталась диковатым «реакционным» государством, в котором пережитки феодализма были намного сильнее, чем в Англии.

Второй случай – когда революционеры захватывают власть вовсе не для того, чтобы творить шаги прогресса. И даже вообще не из каких-то экономических или рационально-политических соображений. Революционеры могут брать власть для того, чтобы воплотить в жизнь придуманную ими утопию.

Такие были уже в эпоху Английской революции 1649 года. Проходила она под религиозными лозунгами, и были среди них довольно причудливые. Например, адамиты. Адам ведь, «как известно», ходил голый, никакой собственности не имел и не работал, а Господь Бог его питал. Поэтому адамиты самым натуральным образом носились по Англии голые, не имели домов, собственности и работы. Было их не так уж мало – около тысячи, при населении всей Англии в эту эпоху не более 5 млн человек. Все адамиты не пережили зимы 1649/50 года... Именно эти утописты были опасны в основном для самих себя. Хотя по рассказам современников, у многих адамитов были дети. Их они тоже водили с собой голыми и голодными. Все дети адамитов умерли вместе с родителями.

В 1979 году в Иране произошла Исламская революция. Велась она под лозунгами отказа от выдумок европейцев, в том числе светского образования, возвращения к законам шариата и неукоснительного требования исполнять все законы Корана. Эта революция была так откровенно «реакционной», что в СССР многие обалдели: как же так?! Романтические представления интеллигентов вступили в самые жестокие противоречия с реальностью. Шли туманные рассуждения о том, что в Иране происходит не революция, а контрреволюция, или споры о том, почему эта революция «неправильная».

А ведь утопическая идея вовсе не обязательно должна быть религиозной. В коммунистической идее много религиозных черт, но она не связана ни с христианством, ни с исламом.

Во время Французской революции 1789–1794 годов были такие «бешеные». Тоже немало, несколько тысяч активных фанатиков. Они пользовались довольно большой популярностью, некоторые восстания 1793 года организованы именно ими.

Программы «бешеных» очень различны, но если не вникать в детали, очень просты: все поделить. Они и способ знали: отменить деньги, а всю собственность – поровну. Работал ты или нет – неважно, главное – поровну. Землю тоже поровну, по едокам или по числу рабочих рук.

Некоторые из «бешеных» и жен предлагали делить. А то ведь несправедливость получается: у кого-то баба есть, а у кого-то нет... Собственность на женщин – отменить!

Карл Маркс откровенно писал, что «...Французская революция вызвала к жизни идеи, которые выводят за пределы идей всего старого миропорядка... Революционное движение, которое началось в 1789 г... в середине своего пути имело своими главными представителями Леклерка и Ру и наконец потерпело на время поражение вместе с заговором Бабефа – движение это вызвало к жизни коммунистическую идею»³.

Эта идея ярко вспыхнет во время Парижской коммуны 1871 года, ее начнут воплощать коммунисты в России 1918 года. И идеи «все поделить», и отмены денег, и даже обобществления женщин.

Правда, в масштабах всей России коммунисты побоялись издавать очередной Декрет про упразднение семей: ждали всенародного восстания. Декрет был готов, но Ленин его не подписывал. Решили провести эксперимент: ввести «обобществление женщин» в меньших масштабах. Во Владимире и Саратове издали Декреты местных, губернских советов народных комиссаров.

В Декрете Саратовского губернского СНК «Об отмене частного владения женщинами» четко писалось: «Законный брак, имеющий место до последнего времени, несомненно является продуктом того социального неравенства, которое должно быть с корнем вырвано в Советской республике. До сих пор законные браки служили серьезным оружием в руках буржуазии в борьбе с пролетариатом, благодаря только им все лучшие экземпляры прекрасного пола были собственностью буржуазии, империалистов, и такой собственностью не могло не быть нарушено правильное продолжение человеческого рода. Потому Саратовский губернский совет народных комиссаров с одобрения Исполнительного комитета Губернского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, постановил:

1. С 1 января 1918 года отменяется право постоянного пользования женщинами, достигшими 17 лет и до 32 лет.

2. Действие настоящего декрета не распространяется на замужних женщин, имеющих пятерых и более детей.

3. За бывшими владельцами (мужьями) сохраняется право на внеочередное пользование своей женой.

4. Все женщины, которые подходят под настоящий декрет, изымаются из частного владения и объявляются достоянием всего трудового класса.

5. Распределение отчужденных женщин предоставляется Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, уездными и сельскими по принадлежности.

6. Граждане мужчины имеют право пользоваться женщиной не чаще четырех раз в неделю, в течение не более трех часов при соблюдении условий, указанных ниже»⁴.

Даже этот эксперимент не слишком удался: только несколько десятков бабенок согласились «национализироваться». Современники и особенно современницы называли их словами, для печати не слишком пригодными.

А несколько тысяч жителей Саратова вместе с женами и дочерьми переехали или в Тамбов, который управлялся Временным исполнительным комитетом и городской управой, или в Область войска Донского. Ленин же тогда Декрета для всей страны не стал подписывать. Сказал, что Декрет этот преждевременный и на данном этапе революции может сослужить плохую службу. Так сказать, отложим на потом.

³ Маркс К, Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. – М., 1957. С. 147.

⁴ Буровский А.М. Гражданская война. 1917–1922. – М., 2009.

Что «прогрессивного» содержится в групповушке такого рода, я не в силах понять. Но на примере и этого, и множества других подобных декретов хорошо видно, как захватившие власть революционеры навязывают свою утопию всему остальному населению страны.

Много утопических лозунгов было уже в Английской революции 1649 года. Во Французской революции 1789–1794 годов утописты быстро оттеснили прагматиков и начали строить во Франции свою утопию: райскую жизнь без денег и торговли, аристократии и христианства, создав новый календарь и попытавшись начать историю с чистого листа.

Французская революция выдвинула идею «суверенитета нации». Нация раскололась на «роялистов», то есть «королистов», сторонников монархии (и вместе с ней – всей политической традиции), и «патриотов», то есть сторонников «суверенитета нации», республики, разрыва с традициями.

По мнению «патриотов», нация имеет право выбирать собственное правительство. Некоторая сложность состояла в том, чтобы определить границы этого самого «суверенитета». Стоило провозгласить, что люди имеют право сами выбирать себе правительство, раз они нация – и тут же нациями стали объявлять себя корсиканцы, бургундцы, лангедокцы. Они себя давно считали подданными французского короля, но вовсе не считали французами.

Франция и без заморских владений была империей. В конце XVIII века из 28 млн подданных французского короля почти половина, 12 миллионов человек, не говорили, или говорили с трудом по-французски. Наряду с французским существовало около трех десятков «диалектов».

Так в СССР украинец мог твердо знать, что он – советский человек, но это совершенно не делало его русским. Отделяя Украину от СССР, он мог вовсе и не посягать на коммунистическую идею.

Королевское правительство ничего не имело против, а вот революционное правительство поставило задачу достигнуть языкового единства. Не спрашивая, хотят ли достигать этого единства носители «диалектов».

В 1918 году множество народов отделилось от Советской России, создавая собственные государства. В некоторых странах политический строй мало чем отличался от советского (Украина, Армения), в других был социал-демократическим (Грузия), в третьих буржуазно-демократическим (Латвия, Литва, Польша). На востоке пытались то сохранить прежний тип государства (Хива, Бухара), то создать исламистское государство (басмачи), то исламский вариант социал-демократии (Азербайджан), то вырастить причудливый «шариатский социализм» (Татарстан, Башкирия, часть Средней Азии). В любом случае Российская империя уже в начале 1918 г. фактически распалась на разные государства.

Франция намного меньше России, но и в ней фактически пошел распад. Если национальное самоопределение хоть как-то соединялось с политической идеей, становилось совсем тоскливо. Уже в 1795 году с руководителями восстания в Вандее правительство Франции подписало мирный договор. Как с иностранным государством.

На немцев и испанцев идея национального государства тоже действовала не так, как этого хотели во Франции: если французам можно, почему им нельзя? А если у них свои национальные государства, при чем тут власть французского правительства? Без разницы, французской республики или французского императора?

Во Французской революции 1789–1794 годов причудливо смешивались все три варианта: социальная революция, национальная революция и утопическая революция. Три сплетенные воедино одновременных процесса.

О величии революции

Французскую революцию 1789–1793 годов до сих пор величают «Великой». Как и пишут: «Великая Французская революция 1789–1794 гг.». Говорить о ней полагается только в самом серьезном и уважительном тоне как о грандиозном прогрессивном событии.

В специальной литературе отзывы еще сравнительно сдержанные, типа «имела огромное историческое значение, являлась, как говорил В.И. Ленин, великой революцией»⁵.

В художественной литературе оценки еще круче... Революция, оказывается, ударила в толщу невероятных народных страданий, скопившихся веками. Эдакая политическая молния!⁶ Ударил и сотворил «прекрасный новый мир», в котором страдания уже невозможны, вероятно.

Но давайте выясним, что же нового принесла Французская революция? В каком смысле она такая великая? Единственно, что было реально сделано, так это реализация идей социальной революции.

Пал королевский режим, Франция сделалась республикой. Упразднили все феодальные привилегии и вообще все феодальные пережитки. Владельцы собственности получили гарантию неприкосновенности своих прав. То есть изменения политического, экономического и общественного строя произошли.

Правда, самые важные гарантии для владельцев собственности, «Кодекс Наполеона», приняла не революционная республика, а жестокая диктатура. Законы, вводимые в годы революции, противоречивы и сумбурны, к тому же далеко не все из них дают собственнику гарантию его прав, а всякому гражданину – гарантию его неприкосновенности и защищенности.

Так что самое важное последствие катаклизма – это все же не завоевание революции, а решение автократичной диктатуры, намного более жестокой, чем королевская.

«Земля – крестьянам»? Или все же не крестьянам?

В стране произошла мощная передвижка собственности. В феодальной Франции 10 % земель принадлежали духовенству, 20 % – дворянству, одна треть земель принадлежит буржуазии, и лишь одна треть (да и то не лучших земель) принадлежит крестьянству.

За время революции до 40 % земель обрели новых владельцев. В том числе все земли церкви и половина земель дворян. При коммунистах в СССР полагалось очень радоваться по этому поводу: ведь собственность перешла от «реакционного» класса феодалов к «народу», то есть к демократическому (хотя и недостаточно «прогрессивному») классу трудящегося крестьянства. Даже в художественной литературе описывалось, как крестьяне получили землю и стали поддерживать Наполеона именно поэтому: любой ценой оставить за собой землю⁷.

Но это полнейшая выдумка. Землю никто и никогда не отдавал крестьянам даром. Местную собственность в виде земли конфисковывали у одних и продавали другим. На аукционах. Цена земли, конечно, получалась намного ниже рыночной, покупать было выгодно. Иногда можно было, имея связи, купить и в обход любых конкурентов. В литературе... причем во французской литературе, такие случаи описывались не раз. Именно таким способом округлил свои владения папаша Гранде, отец главной героини романа Бальзака⁸. Но в любом случае

⁵ БСЭ. Издание второе. Т. 45. – М., 1956. С. 563. Статья «Французская буржуазная революция конца XVIII века».

⁶ Дубов Н.Н. Колесо фортуны. – М., 1980. С. 163.

⁷ Никулин Л.В. России верные сыны. – М., 2009.

⁸ Бальзак О. де «Евгения Гранде». – М., 1957.

покупал землю только тот, кто мог за нее заплатить. Во многих случаях земля меняла владельца с одного буржуа, объявленного «врагом народа», на другого – и только.

«Трудовое крестьянство» в принципе могло стать собственниками земли, но не часто реально получалось. Намного чаще землю покупали или верхи деревни (порой связанные с бывшим помещиком законным и незаконным родством) или городские спекулянты. Та самая, ненавидимая марксистами «буржуазия». Собственников стало больше, имущественные отношения сделались гибче... Но не такая уж тут и грандиозная «передвижка земли».

Создание вожделенной республики

Еще больше оснований усомниться в ценности упразднения власти короля. В конце концов, Британия, Голландия, страны Скандинавии остались монархиями, и это совершенно не помешало им быть странами очень передовыми, современными, активными.

Король в 1789 году уже собрал Генеральные штаты. При достаточной последовательности и согласованности действий королевской власти и Генеральных штатов вполне можно было совершенствовать систему, делая ее все более демократичной. Хотя, конечно, это способ скучный и не романтический.

Вместо Генеральных штатов ввели парламент. Генеральные штаты выбирались по территориальному и сословному признаку. Депутаты избирались из наиболее видных лиц, которые несли ответственность перед избирателями. Эта система имела ряд преимуществ перед парламентарной. Какая лучше – спорят до сих пор, но главное – ценность этого итога революции сомнительна. Похоже, что можно было сделать и так и иначе – результат был бы примерно одинаковым. В самой Франции были и есть сторонники как раз Генеральных штатов как более совершенной формы демократии⁹.

Другие революционные нововведения еще более сомнительны по ценности.

Территориальная реформа

Во Франции исчезло разделение на исторически сложившиеся области и было введено разделение на 90 департаментов, каждый под своим номером. При этом названия исторических областей все равно используются: Гасконь, Шампань, Овернь, Пикардия, Лангедок... Называть можно еще долго.

Введение метрической системы

Еще одно революционное нововведение – метрическая система мер и весов. Метрическая система – это общее название международной десятичной системы единиц, основанной на использовании метра и грамма. Метрические единицы широко используются по всему миру.

В конце XIX века по всей Европе использовалось большое количество разных единиц (таких, например, как дюймы, футы, фадены, мили, и т. д.) со сложными правилами преобразования между ними.

Конечно, это было не так удобно, как метрическая система. В метрической системе преобразование сводится к умножению или делению на степень числа 10, то есть к простой перестановке запятой в десятичной дроби.

Основное отличие метрической системы от применявшихся ранее традиционных систем заключается в использовании упорядоченного набора единиц измерения. Для любой физиче-

⁹ Кошен О. Малый народ и революция. – М., 2004.

ской величины существует лишь одна главная единица и набор дольных и кратных единиц, образуемых стандартным образом с помощью десятичных приставок.

Определяя метр как десятиmillionную долю четверти земного меридиана, создатели метрической системы стремились добиться инвариантности и точной воспроизводимости системы. За единицу массы они взяли грамм, определив его как массу одной миллионной кубического метра воды при ее максимальной плотности. Для облегчения применения новых единиц в повседневной практике были созданы металлические эталоны, с предельной точностью воспроизводящие указанные идеальные определения.

Вскоре выяснилось, что металлические эталоны длины можно сравнивать друг с другом, внося гораздо меньшую погрешность, чем при сравнении любого такого эталона с четвертью земного меридиана. Кроме того, стало ясно, что и точность сравнения металлических эталонов массы друг с другом гораздо выше точности сравнения любого подобного эталона с массой соответствующего объема воды.

Метрическая система выросла из постановлений, принятых Национальным собранием Франции в 1791 г. и 1795 г. по определению метра как одной десятиmillionной доли участка земного меридиана от Северного полюса до экватора.

Но и метрическую систему ввели не в революционные времена – даже во Франции. В этой многострадальной стране метрическая система была объявлена обязательной к применению во всех коммерческих сделках во Франции Декретом, изданным 4 июля 1837 г.

В международных масштабах метрическая система медленно вытесняла местные национальные системы в других странах Европы.

Международная комиссия по метру в 1872 г. постановила принять за эталон длины «архивный» метр, хранящийся в Париже, «такой, каков он есть». Точно так же члены Комиссии приняли за эталон массы архивный платиноиридиевый килограмм, «учитывая, что простое соотношение, установленное создателями метрической системы, между единицей веса и единицей объема представляется существующим килограммом с точностью, достаточной для обычных применений в промышленности и торговле, а точные науки нуждаются не в простом численном соотношении подобного рода, а в предельно совершенном определении этого соотношения».

20 мая 1875 семнадцать стран подписали Метрическую конвенцию, и этим соглашением была установлена процедура координации метрологических эталонов для мирового научного сообщества через Международное бюро мер и весов и Генеральную конференцию по мерам и весам.

Метрическая система была законодательно признана как допустимая в Великобритании и США. К применению в России (в необязательном порядке) она допущена законом от 4 июня 1899, проект которого был разработан Д.И. Менделеевым. В качестве обязательной Метрическая система введена декретом Временного правительства от 30 апреля 1917 года. Постановление СНК СССР от 21 июля 1925 подтвердило это решение.

Система удобная, кто спорит. Не случайно на основе метрической системы была разработана и принята в 1960 году XI Генеральной конференцией по мерам и весам Международная система единиц (СИ). В течение второй половины XX века большинство стран мира перешло на систему СИ.

Но и степени удобства преувеличивать не стоит. Англосаксы на Метрическую систему так и не перешли, остались с милями, фунтами и дюймами. И никакой информационной или технологической катастрофы это не вызвало.

Компьютерная техника основывается на разработках, сделанных в англосаксонских странах. Естественно, размеры компакт-дисков, дискет, жестких дисков, диагонали мониторов и телевизоров, матриц цифровых фотоаппаратов указываются в «ихних» дюймах, а не в международных сантиметрах.

Распространение компьютерной техники и другой электроники по всем странам мира привело к тому, что позиции метрической системы в ряде направлений техники потеснили. И опять же – без видимой катастрофы. Все знают, что такое «девятнадцатидюймовый» монитор и чем он отличается от «пятнадцатидюймового».

Самое главное

Как видите, Французская революция 1789–1794 годов не сделала буквально ничего. Масть приписанного ей (введение демократии или метрической системы) вообще произошло позже. Масть сделанного революцией вообще не может быть однозначно оценено как нечто «положительное». Можно было это делать, а с тем же успехом и не делать, особой важности нет.

То, что действительно сделано революцией, незначительно, маловажно, убого. Никаких грандиозных свершений. Ничего такого, ради чего следовало бы, или хотя бы было допустимо обрушить в небытие процветающую страну, убить и обречь на невероятные страдания миллионы людей. Уже какое-то сомнительное величие.

Но главное даже не в этом. ДО Революции 1789–1794 годов Франция была самым передовым государством Европы... И всего мира. Можно сколько угодно смеяться над галломанией русского дворянства – но уперто учить французский язык у них были веские причины. Французский учили и Германия, и Британия, и весь юг Европы. Дело, конечно, не в его исключительных красотах, а в доступе к тем текстам, которые давало знание французского.

Французские моды и французская кухня, французская музыка и французская архитектура господствовали в Европе. Дворцы множества больших и малых владык Европы возводились в подражание Версалью... Таковы же и дворцы и парковые комплексы Петербурга: Екатерининский дворец и парк в Царском Селе, Зимний дворец и множество других, менее знаменитых. Ученики порой превосходили учителей: по размерам Екатерининский дворец превосходит Большой Версальский дворец, а какой дворец роскошнее и пышнее, трудно сказать. Но все же были ученики и были учителя. Учителя были французы.

А после революции 1789–1794 годов Франция перестала быть лидером Европы. Никогда больше не была она лидером ни экономическим, ни военным, ни политическим, ни культурным. Последним всплеском этого лидерства стала как раз империя Наполеона. Вспыхнула... И погасла навек. Франция же раз навсегда стала «всего лишь» одной из европейских держав – не хуже, но и ничем не лучше других.

Я буду рад услышать возражения, но пока приходится утверждать: революция 1789–1794 годов была страшной, невероятно жестокой гражданской войной, в пламени которой сгорело величие Королевства Франция. Величие было ДО нее. Величия не стало ПОСЛЕ нее. В чем величие самого этого чудовищного события, мне совершенно не понятно.

Глава 2. Как это было?

Одни интеллектуалы разумом пользуются. Другие разуму поклоняются.

Г.К Честертон

О механизме начала

Восторженные романтики рассказывают о страданиях народа и о подвигах тех, кто свергает «народных мучителей». Чтобы этот миф был поярче, надо хорошенько расписать ужасы «старого режима». Так, чтобы всякому стало понятно, – свергнуть такое царство безысходного кошмара – дело чести и доблести!

Получается так, что народ голодал, ему было плохо и становилось все хуже и хуже. В популярной, в том числе детской литературе все описывается с предельной ясностью: описывается, например, деревня, сожженная карателями, французскими регулярными властями. Каратели убили всех мужчин, воронье кружит над деревьями, над трупами повешенных. В разваленном доме ютятся одетые в лохмотья живые скелеты. Дети уже и ходить не могут, ползают, почти невменяемые. Мама кормит их похлебкой из мяса дохлой лошади¹⁰.

Тут все понятно: бей страшный и проклятый королевский режим! Ничего ужаснее него не было никогда и никогда быть не может, по определению.

...Вот только было-то все совершенно не так. Начнем с того, что Франция середины – конца XVIII века была самым передовым государством Европы. В том числе и самым благополучным и сытым. Уровень жизни французского крестьянина был заметно выше уровня жизни большинства крестьян всех остальных европейских держав. Горожанин, купец или ремесленник не только были сытее, но и были намного лучше защищены законом от произвола властей, чем горожане любого другого государства.

Французская революция 1789–1794 годов грянула не потому, что французам было хуже всех, а как раз потому, что им было лучше. Если быть совершенно точным, то им было лучше, чем кому бы то ни было. А потом, в самом конце XVIII века, стало чуть хуже, чем раньше.

Да не буду понят, что Франция не нуждалась вообще ни в каких реформах. Нуждалась. Самоуправление оставалось слабым, громоздкая бюрократия сковывала любую инициативу. Так же и в экономике: средневековые цеха давили всякую инициативу, внутренние таможи и налоги, пришедшие из XV века, давили любое развитие в зародыше.

Только не надо рассказывать марксистские сказки о «передовой буржуазии» и «реакционном дворянстве»! Реформы 1774–1775 годов проводил аристократ Тюрго. Сопrotивление его реформам дружно оказывали и дворяне, и цеховая буржуазия. По словам историка Мишле, «надменная потомственная лавка была взбешена не менее, чем Версаль».

Многие историки считают, что и «мучная война» 1775 года, и торгово-промышленный кризис 1787 г. – прямое следствие неудачного эксперимента Джона Ло (кстати, еще один дворянин – только шотландский). Джон Ло пытался ввести бумажные деньги вместо металлических. Он многого добился, но сделал несколько серьезных ошибок, увяз в спекуляциях, и его система развалилась.

Кризис 1787 года возник во многом потому, что денег не хватало. Товаров произвели столько, что металлическая денежная масса не могла угнаться за ростом товарной массы. Но никаких серьезных последствий кризис не имел. Ничего похожего на Великую депрессию 1929

¹⁰ Дaнькo E.Я. Деревянные актеры. – Л., 1965.

года! И уж, конечно, если дети и умирали с голоду, то никак не из-за кризиса и не из-за мотовства королевского двора.

Естественный вопрос: неужели такая мелочь, как некоторое ухудшение экономики, могла вызывать побоище, длившееся несколько десятилетий?!

Вопрос такой же наивный, как: неужели Февральскую революцию в Петербурге 1917 года вызвало исчезновение из магазинов белых булок?!

Конечно же, дело не в белых булках и не в проблемах назначения новых налогов. Эти ничтожные поводы – только провокации назревших выступлений.

Ученым давно известно, что революции порождают не голод и гуманитарная катастрофа, а обманутые ожидания. Когда человек действительно голоден и убог, он не восстает – он судорожно борется за существование.

«Голодные бунты обычно устраивают сытые люди. Парадокс состоит в том, что революционным ситуациям, кризисам обычно предшествуют периоды экономического роста, а не упадка. Беспорядки в обществе начинаются не тогда, когда приключается «обострение выше обычного нужды и бедствий», не тогда, когда ситуация в экономике плоха по объективным показателям, а совсем наоборот – когда экономика растет! Потому что параллельно растут ожидания людей. А поскольку потребности и ожидания всегда растут быстрее экономики, нарастает неудовлетворенность, людям представляется, что они живут совсем не так, как они должны были бы жить, что их существование невыносимо.

Возникает то, что в психологии называется ретроспективной аберрацией, то есть смысловой переворот – хотя по объективным критериям уровень жизни вырос, людям кажется, что все ужасно и в прошлом было лучше. И именно так это описывают мемуаристы, летописцы, выдавая свои ощущения за фактическое положение дел...

Дальше, когда экономический рост по каким-то причинам сменяется относительным спадом, а ожидания по инерции продолжают расти, разрыв влечет за собой социальные обострения...»¹¹

Вот он, механизм начала революции: когда было хорошо, но стало чуть хуже прежнего – тут обыватель начинает возмущаться. Для него ведь «очевидно», что кто-то виноват в отсутствии белых булок и в необходимости платить еще один налог.

Приходится сделать вывод: Французская революция 1789–1794 произошла потому, что королевское правительство брало слишком мало налогов и слишком заботилось о населении своего государства. Население же не слишком заслуживало этой заботы.

Впрочем, кроме умирающих с голоду крестьянских детей, над памятью о Французской революции 1789–1794 годов черными воронами кружат еще две сказочки: истории про невероятную роскошь французского королевского двора и про чудовищный произвол королевского правительства.

Невероятная роскошь двора

Об этом сказать можно коротко: на содержание двора ежегодно тратилось порядка 5–7 млн ливров при бюджете государства в 80–90 млн ливров. Это много. Двор был очень богат и очень расточителен. Король раздавал ренты, пенсии и стипендии. Многие дворяне жадно шакалили эту «халяву». При дворе существовало множество sinecur. Например, ночной горшок короля выносили пять человек, одетых в бархат и вооруженных шпагами. Всем им установлено было щедрое жалованье.

¹¹ Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальной и политической психологии. – СПб, 2003.

Но все же двор королей выполнял важную роль: представительскую. Как Версаль становился объектом для подражания других монархов Европы, так же подражали нравам французского двора и поведению аристократии. Передовая страна, претендующая на лидерство в сфере нравов и культуры, должна была иметь нечто подобное.

Что же до расходов на двор... Они были заметно меньше расходов на армию и флот. Меньше 10 % бюджета.

О преступлениях королевского режима

Как известно, французские короли правили вообще без всяких законов. Так же хорошо известно, что они давали своим любимцам такие страшные бумаги: карт-бланш...

Карт-бланш (французское *carte blanche*, буквально – чистый бланк) – это чистый бланк, подписанный лицом, предоставляющим другому лицу право заполнить этот бланк текстом. Что-то вроде записки, которую кардинал вручает демонической Миледи, а у нее отбирает д'Артаньян: «Все, что сделано подателем этого документа, сделано по моему приказу и с моего разрешения».

Карт-бланш и правда давали купцы и банкиры своим доверенным лицам. Чтобы приказчик или подельник купца получил нужную для ведения дел сумму денег. От этой сказочки произошел современный переносный смысл: дать карт-бланш – значит, предоставить кому-либо неограниченные полномочия, полную свободу действий.

Карт-бланш в политике – это даже хуже! Вручая своему фавориту чистый лист бумаги со своей подписью и печатью, король разрешал творить какой угодно произвол! Ведь придворный мог написать на листе бумаги абсолютно все, что угодно!!! Он мог, именем Его Величества, потребовать: «Выдать мне из сокровищницы миллион ливров золотом!» Или начать войну с государством, которое ему не понравилось. В общем, учинить что угодно и все совершенно безнаказанно, от имени самого же короля.

Некоторым писателям, в том числе и Александру Дюма, хватало совести рассказывать, что карт-бланш позволял частным лицам расправляться со своими врагами. Придворный вписывал в карт-бланш имя своего врага и отправлял его без суда и следствия в Бастилию. На срок, какой сам захочет определить. В общем, ужас.

У этих страшных карт-бланшей короля есть только одна «странная» особенность: ни один историк никогда не видел ни одного карт-бланша. Ни в одном архиве, ни в одном музее не хранится ни одного карт-бланша. Ни с именем личного врага, получившего карт-бланш придворного, ни без него. Никогда. Нигде. Ни одного.

Видимо, королевский режим, чтобы спрятать концы в воду, выпускал карт-бланш исключительно на бумаге, которая сама по себе исчезает при приближении к ней прогрессивно мыслящих историков.

А если серьезно – сказка про карт-бланш – это очередная байка про зверства королевского режима, не имеющая решительно никакого отношения к реальности. Даже не бред. Это сознательная клевета на правившую во Франции законную династию, Французское государство, его законы и порядки. Подлое и мерзкое вранье.

Болтуны

Все знают про мерзость королевского режима. Точно так же все знают, что во Франции выпускалась гениальная книга Энциклопедия и что писали ее классики и гении, за необъятность ума прозванные «энциклопедистами». Самым великим и гениальным из них был Вольтер, чуть менее гениальными были Дидро, Гольбах, Мирабо и другие великие люди. Это были

самые великие ученые и философы своего времени, убежденные просветители, отдавшие свой ум и талант на службу народу.

Да-да. Это действительно знают все. Вот только никто не знает, какие именно гениальные творения создали все эти великие люди. Действительно: если кого-то называют великим ученым, неплохо бы поинтересоваться, каковы его великие открытия? Великий философ? А какие именно гениальные обобщения вышли из-под его пера?

Нелегка участь того, кто возьмется показать эти великие ученые и философские труды. Не потому, что ничего не сохранилось. Прекрасно сохранилась и сама «Энциклопедия», и целые тома творений всех энциклопедистов и просветителей, классиков и гениев. Нелегка участь потому, что этих открытий и философских концепций просто нет. Вообще.

Чтобы не прослыть клеветником, я готов сослаться на целые собрания сочинений энциклопедистов и просветителей¹². Если читатель обнаружит у них признаки чего-то гениального, пусть поскорее мне сообщит. Потому что творения энциклопедистов на удивление скучны и занудны.

Можно сколько угодно рассказывать про «блестящее остроумие» Вольтера или «блистательные эпиграммы» Мирабо. Вот только привести пример этого «искрящегося остроумия» и этих «разящих эпиграмм» довольно трудно. Чтение решительно всего, написанного энциклопедистами, подобно жеванию вара: пресно, липко, скучно, сводит челюсти. Взять знаменитые афоризмы Вольтера... «Свобода состоит в том, чтобы зависеть только от законов». «Первое обвинение отбрасывается, второе задевает, третье ранит, а четвертое убивает». «Если Бог сотворил человека по своему образу и подобию, то человек отплатил ему тем же». «Что делалось смешным, не может быть опасным». «Сколько нелепостей говорится людьми только из желания сказать что-нибудь новое» (интересно, а к самому себе Вольтер это относил? – А. Б.) «Как богатым удержать имущество в своих руках, если чернь потеряет веру в бога? Если бы бога не было, его следовало бы выдумать». «Люди ненавидят скупого только потому, что с него нечего взять». В общем, набор банальностей.

К тому времени уже опубликованы «Опыты» Монтеня¹³. Уже вышла большим тиражом «История кавалера де Грие и Манон Леско»¹⁴. Это книги действительно *интересные*. Их читаешь с удовольствием, а приключения кавалера де Грие действительно переживаешь: «А что дальше?!» В этом смысле все творения энциклопедистов – регресс и утрата уже достигнутого уровня литературного творчества.

«Сегодня трудно понять, как мораль Мабли, политика Кондорсе, история Рейналя, философия Гельвеция – эти пустыни бесцветной прозы – могли выдержать издание и найти хоть десяток читателей. Но, однако, их все читали, по крайней мере, покупали книги и говорили о них. Скажут: мода. Легко сказать. Как понять это пристрастие к ложному пафосу и к тяжеловесности в век изящества и утонченного вкуса»¹⁵?

Но, может, содержание творений таково, что искушает недостаток литературного таланта у авторов? И это не так. Практически все, что ими написано, посвящено мелким политическим вопросам, давно забытым всеми, кроме историков, – причем специалистов по эпохе. Это, например, споры вокруг животрепещущей проблемы: почему церковь перестала совершать обряд крещения прямо в реке (содержание по крайней мере трех повестей и рассказов)?! Или: а такой-то король был дурак!!!

¹² Вольтер М. Философские повести. – М., 1960; Дидро Д. Монахиня. – М., 2008; Кочарян М. Гольбах – М., 1978; Литература французского просвещения. – М., 2008; Акимова А. Дидро. – М., 1963; Жизнь замечательных людей. XVII–XVIII века. – М., 2001.

¹³ Монтень М. Опыты. – М., 2006.

¹⁴ Прево А.-Ф. История кавалера де Грие и Манон Леско. – М., 2002.

¹⁵ Кошен О. Малый народ и революция. – С., 2004. с. 42.

Аналогом этого могут стать «перестроечные» произведения, весь смысл которых вращается вокруг того, что на отставке Ельцина настаивала жена Горбачева или что Брежнев был старый дурак. Таковы многие песенки Юлия Кима, например. В тот момент они актуальны, кажутся смелыми и интересными. Но это работы-однодневки.

Разумеется, свое «ноу-хау» у энциклопедистов было, и оно надолго приковало к ним внимание: это пропаганда особого типа мышления: утопического. Это первое в истории идеологическое сообщество, с сугубо идеологическим мышлением.

«Разум для философа то же, что благодать для христианина», – писал Дидро в «Энциклопедии». Вера в разум как в объект религиозного поклонения.

Высказывание Дидро очень созвучно словам Честертона, который уже в начале 20-го века заметил: «одни интеллектуалы разумом пользуются, другие ему поклоняются».

Только Честертон ироничен, а Дидро – зверски серьезен.

О поклонении разуму и прогрессу писали и авторы «Вех» в начале XX века в России¹⁶.

Видимо, поклонение разуму и прогрессу очень характерно для утопического мышления. Но при этом позитивные картины «светлого будущего» или какой-то идеальной страны рисуются как-то очень бледно, нечетко. Основное внимание направлено на очернение и настоящей реальности, и всего французского прошлого – в том числе и его самых светлых страниц.

О реально существующих сословиях, о реалиях французской жизни Вольтер высказывается в духе: «Артиллерийский огонь унес жизни 6 или 7 тысяч бездельников и дармоедов, грабящих мирные страны во славу своих властителей»¹⁷.

Говоря о прошлом, он поднимает руку на национальную святыню Франции – личность Жанны д'Арк. Не будем обсуждать сейчас, кем была Жанна при жизни. Фактом является то, что Франция XV века не пошла за своим королем, но пошла за девятнадцатилетней девочкой из провинции. И что Жанна д'Арк стала основательницей той Франции, которая просуществовала с середины XV до конца XIX века – четыре с половиной славные столетия, в которые она и стала лидером Европы.

Трогательный, немного загадочный образ Орлеанской девы до сих пор производит впечатление на многих. Тем более трогал многие сердца в XIX веке. Французы верили в божественную силу Жанны д'Арк, залогом которой была ее чистота и непорочность. Верили, что Жанне свыше дана возможность победы над англичанами.

Вольтер совершает акт откровенного кощунства – в определенной степени и религиозного, но в гораздо большей степени – гражданского и культурного. При этом он сам толком не знает, какое обвинение Жанне д'Арк бросить. Он грязно издевается над тем, что она – девственница. Ведь сохранять невинность очень глупо! А спустя несколько страниц с грязной ухмылкой рассказывает, как Жанна совокуплялась с собственным конем (в других переводах – с ослом). Такой вот разброс обвинений – от девственности до скотоложства¹⁸.

И многие другие творения Вольтера откровенно кощунственны. Он откровенно пытается бросать вызов своему обществу. Не случайно он издевается над девственностью не монахини из соседнего монастыря и не соседки по имению, которая не торопится расстаться со своим состоянием. Жертвой его глумления становится национальный символ. После выхода в свет «Орлеанской девственницы» несколько офицеров подкараулили Вольтера и побили его палками. Способ расправы несколько подростковый, но по крайней мере мы точно знаем, что они думали о Вольтере и как оценивали его произведения.

Высмеивая все окружающее, просветители готовили почву для революции. Ведь если короли – идиоты, священники – бабники и пьяницы, служба государству – бессмыслица и пре-

¹⁶ Вехи. – М., 1909.

¹⁷ Вольтер М.-Ф. Кандид, или Простодушный. – М., 1957.

¹⁸ Вольтер М.-Ф. Орлеанская девственница. – М., 2006.

ступление, а люди в своих поступках руководствуются самыми скотскими желаниями, – такое общество хочется уничтожить. И наступает момент, когда эта идеология разрушения и отрицания соединяется с несбывшимися завышенными ожиданиями сытых, благополучных и ждущих еще большего народных масс.

Великая история гениальной энциклопедии

Что же до самой «Энциклопедии». Не надо видеть в ней справочник, подобный нынешним энциклопедиям.

Термин «энциклопедия» возник в Древнем мире. Энциклос пайдейя означало по-гречески «круг знаний». Этим «кругом» должен был овладеть всякий. Содержание «круга» составляли так называемые семь свободных искусств: грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, музыка и астрономия. Прочие знания считались практическими сведениями и в область высокой науки не входили.

В 1728 году в Англии была издана двухтомная «Энциклопедия» Эфраима Чемберса (1689–1740). Это было очень неудачной попыткой создать универсальную энциклопедию, включающую и «практические сведения». Она дала толчок к созданию и «Французской Энциклопедии», которую тоже называют Великой – как и спровоцированную ею революцию.

В 1745 г. французский издатель Ле Бретон решил перевести и издать во Франции «Энциклопедию» Чемберса. Он дважды предлагал работу разным лицам, но его труд в конце концов Ле Бретона не устроил. В 1747 г. работа по переводу была предложена Дени Дидро: он работал очень качественно, а плату предложили ему совершенно смешную: сто франков в месяц. В конце концов издание «Энциклопедии» принесло Дидро 60 000 ливров, а Ле Бретону и его компаньонам – три миллиона ливров.

Работая над переводом Чемберса, Дидро задумался об издании собственной французской энциклопедии. Эту идею он воплощал в течение 25 последующих лет. Дидро стал организатором, ответственным редактором, составителем проспекта и автором большинства статей по точным наукам.

В 1750 году появился проспект издания, которое получило название «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел». Между 1751 и 1766 годом вышло 28 томов (17 томов текста (60 тысяч статей) и 11 томов «гравюр» (иллюстраций к тексту).

Оставшиеся тома энциклопедии были написаны другими авторами в 1777-м, а 2 тома индекса (указателей) – в 1780-м.

Состав авторов энциклопедии включает 183 человека, в том числе ведущих философов, экономистов, ученых Франции XVIII века. Д'Аламбер, Кондильяк, Кене, Тюрго, Монтескье, Руссо, Вольтер, Жокур. Созвездие знаменитостей.

Но самое главное – энциклопедия была идеологической!

Каждая энциклопедия – это зеркало общества, которое ее создает, и времени, когда она создается. Французская «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» стала программной книгой эпохи Просвещения.

Дидро и коллектив авторов хотели создать книгу, в которой заключались бы все позитивные знания во всех отраслях знаний. Это была попытка подвести итог всей цивилизации.

О стиле книги можно судить по такому отрывку: «В особенности нельзя терять из виду одно соображение: если устранить человека, существо мыслящее и созерцающее, с лица земли, то патетическое и возвышенное зрелище природы немедленно станет печальным и безмолвным.

Вселенная замолчит, и воцарятся молчание и ночь. Все превратится в чудовищную пустыню, где явления природы – явления, никем не наблюдаемые, – будут возникать и исчезать непонятными и немymi. Только присутствие человека делает существование вещей интерес-

ным, и что можно предложить лучшего, занимаясь историей этих вещей, чем подходить к ним, основываясь на этой идее. Почему же не придать человеку то место в нашем труде, которое он занимает во Вселенной? Почему же не сделать его общим центром? Существует ли в бесконечном пространстве еще одна точка, откуда бы мы с большей легкостью могли исходить, проводя все те бесчисленные линии, которые мы хотим подвести ко всему иному. Какие тончайшие и жизненные взаимодействия между человеком и вещами и вещами и человеком у нас возникли бы при этом! Вот что побудило нас искать в способностях человека общие разделы нашего труда, которым подчинено все. Можно ли предложить иной, лучший, путь, на котором человек не был бы заменен бытием немим, бесчувственным и холодным? Человек – это уникальное понятие, из которого всегда следует исходить и к которому все следует сводить, если только мы хотим нравиться, интересоваться и волновать, описывая даже самые бесстрастные предметы и сухие детали. Абстрагируйтесь от моего бытия и от счастья мне подобных, и что мне во всей остальной природе?»¹⁹

Не столько изложение сухих фактов, сколько эмоциональная аргументация философской и общественной позиции.

«Энциклопедия» сделалась манифестом идей Просвещения.

Создатели энциклопедии видели в ней инструмент, при помощи которого они уничтожат «суеверия», откроют доступ ко всем знаниям и докажут пользу рационального познания. Религия в «Энциклопедии» рассматривалась как ветвь философии, в книге оспаривались католические догмы, похвально отзывались о протестантизме...

Вызов принят! В 1745 году во Франции выходит указ, по которому за издание, хранение и распространение литературы, подрывающее основы религии, издателям грозила смертная казнь. В 1764 году Королевский совет специальным указом запрещает касаться в любых книгах вопросов государственной политики и финансов.

Неприятности у издателей начались уже с издания проспекта будущей «Энциклопедии»: это было необходимо для сбора денег по подписке, чтобы осуществить само издание. Издателей пытались обвинить в плагиате, усилить цензурные требования к изданию, а 8 марта 1759 года Королевский совет специальным постановлением даже запретил продавать или распространять уже изданные тома. Весь период издания проходил в напряженной борьбе: «Энциклопедию» осуждали, пытались прекратить финансирование подписчиками, конфисковали уже изданные тома.

13 июля 1749 года полиция арестовала Дидро и препроводила его в Венсенскую тюрьму. Причиной ареста послужила одна из публикаций Дидро, в которой он позволил себе критиковать католическое духовенство. Арест продолжался сорок дней. Как только Дидро оказался на свободе, он снова принялся за свою «Энциклопедию».

Значение «Энциклопедии»

«Энциклопедия» получила по тому времени довольно широкое распространение. Вначале выходила по подписке. В первый раз откликнулось более 2000 подписчиков. Она выходила громадным тиражом 4250 экземпляров (в XVIII веке тираж книг редко превышал 1500 экземпляров). Она несколько раз переиздавалась, в том числе в Лукке (1758–1776), Женеве (1778–1779), Лозанне (1778–1781).

В 1772 г. начала выходить «Британика» в Эдинбурге, а с начала XIX столетия энциклопедии выходят в Германии, Испании, России. Все они были вдохновлены опытом первой энциклопедии. Во многих странах, включая Россию, появились полные и частичные переводы статей французской «Энциклопедии».

¹⁹ Осадная башня штурмующих небо: Избранные тексты из Великой французской энциклопедии XVIII в. – Л., 1980.

Энциклопедия «Британика» в 1911 году пишет: «Не существовало никогда энциклопедии, политическая важность которой была бы так велика, равно как и энциклопедии, которая заняла бы такое видное место в жизни общества, истории и литературе своего века. Она не только давала информацию, но навязывала мнение».

Энциклопедисты успешно обосновывали и рекламировали свою точку зрения, свою веру в силу разума. Роль «Энциклопедии» как интеллектуальной подоплеки Французской революции неоспорима.

Об энциклопедии и ее творцах до сих пор полагается высказываться в духе: «идеи, возникшие в большинстве своем в глубинах XVII–XVIII вв. и сформулированные замечательной плеядой энциклопедистов и просветителей, равно как и требования свободы, равенства, демократии, сохраняют огромный гуманистический и демократический потенциал и в наше время»²⁰.

Есть, правда, и другое мнение: что «культ разума» очень помешал нормальному развитию цивилизации²¹. На чем основывается это мнение, свидетельствует такой факт...

Как Мирабо боролся с метеоритами

Один из авторов «Энциклопедии», Мирабо, писал статью про метеориты. В статье утверждалось, что метеориты придумали священники, чтобы обманывать народ. Ведь метеориты – это камни, якобы падающие с неба. На самом же деле никакие камни с неба не падают, «потому что на небе нет камней».

Современник Мирабо, выдающийся немецкий ученый Эрнст Флоренс Хладни из старинного города Виттенберг, как раз в это же время разрабатывал свою теорию происхождения метеоритов и их возгорания в плотных слоях атмосферы. Хладни работал в Петербурге. Он исследовал гигантский метеорит «Палласово железо», найденный на Енисее местным кузнецом Медведевым в 1749 году и привезенный Петром Симоном Палласом в 1772 году в Петербург. После исследования «Палласова железа» и других космических объектов в Петербурге Хладни издал свою книгу, посвященную этому вопросу, в Риге в 1794 году. Тем самым он заложил основы новой науки метеоритологии. Книгу Э.Ф. Хладни перевели на французский только в 1827 году, когда французы слегка пришли в норму.

Трудно найти лучший пример того, как полезна интернациональная наука, объединившая в Санкт-Петербургской академии наук людей разных народов и давшая им колоссальные возможности. И какой невероятный вред проистекает от «борьбы за прогресс», «борьбы с предрассудками простого народа», лозунгов «раздавите гадину» и прочего опасного сюрреализма.

Энциклопедисты и короли

Многие просветители имели неприятности с законом. Правда, сидели в тюрьмах они чаще всего не за свои убеждения, а за подделку финансовых документов, за долги, а еще чаще – за похищения чужих жен. Ведь разум освобождает умных людей от пут устаревшей морали.

Сами же идеи Просвещения были модны, и многие властители хотели бы применить их к своему правлению. На том и держалась идея «просвещенного абсолютизма». Марксисты уверяли, что короли и императоры просто совершали чисто популистские ходы: заигрывали с общественным мнением, а на самом деле ничего менять в своих методах правления не хотели. Эти утверждения сомнительны.

²⁰ В. Е. Чиркин. Общечеловеческие ценности, философия права и позитивное право //Право и политика. № 8. 2000.

²¹ Ролстон С.Д. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. – М., 2007.

Во-первых, Фридрих II Великий и сам написал трактат, в котором доказывал, что правитель должен руководствоваться гуманными соображениями. За это будущий король имел громадные неприятности: его папа, король Фридрих I, лупил наследника палкой, орал на него и даже грозился отрубить голову, если сын не перестанет заниматься ерундой.

Поветрие Просвещения прочно поселилось и во дворцах.

Во-вторых, императрице Екатерине II вовсе не было нужды играть с общественным мнением. Вот о ее попытках улучшить систему управления своей империей нам известно немало.

В числе всего прочего Екатерина вложила в просветителей немалые деньги! Она даже предложила Дидро перенести издание в Ригу или любой другой город Российской империи, если уж во Франции издание «сталкивается с какими-либо трудностями».

Она материально поддержала Дидро: его личную библиотеку она купила, но книги не забрала, а оставила ему же – потому что взяла Дидро в библиотекари. Дидро стал библиотекарем императрицы в собственной библиотеке и получил не только деньги за «проданную» библиотеку, но и жалованье за 20 лет вперед.

Об этом сразу же стало известно всем королевским дворам Европы. Российская империя находилась на подъеме. Шел первый год окончания Семилетней войны. В ней Россия одержала блестящую победу над «непобедимой» армией Фридриха. Союзница Франции, Россия воевала уже после практически полного разгрома французской армии. Не считаться с мнением России и ее императрицы Франция никак не могла, «трудности», с которыми «сталкивался» Дидро, были мгновенно преодолены.

Екатерина II интересовалась Дидро, как и вообще французскими философами. «Энциклопедия» была ее настольной книгой.

Во Франции Дидро сблизился с российским посланником в Париже князем Голицыным, а также посетившей Париж Е.Р. Дашковой, президентом Российской академии наук. Она подолгу беседовала с Дидро. Однажды Дидро высказал мысль о необходимости приступить к освобождению русских крестьян. Княгиня Дашкова старалась разъяснить ему, почему освобождение может оказаться невыгодным, даже опасным. Она сравнила их со слепорожденным, стоящим на скале среди глубоких пропастей. Внезапно врач возвращает ему зрение, и он вдруг видит опасности, которыми он окружен; он не знает, как себе помочь, и в цвете лет становится жертвой отчаяния. Дидро воскликнул: «Что вы за женщина! В одну секунду вы поколебали идеи, с которыми я носился в течение двадцати лет!»

Как видите, столкновение «идей» и реальности мгновенно оказалось не в пользу «идей».

После выхода в свет последнего тома «Энциклопедии» Дидро приезжает в Петербург. Идет 1773 год, до революции осталось 16 лет.

И повторяется то же, что при общении с Дашковой: буря эмоций со стороны Дидро, пылкое восхищение императрицей.

«Да, я ее видел, слышал и уверяю вас, что она не понимает, сколько она мне сделала добра. Что за правительница, что за удивительная женщина!» В разговорах с ней он брал ее за руку, вскакивал и бегал по комнате, ударял кулаком по столу. Игра? Может быть. Но в этом случае – необычно хорошая для Дидро игра. А может быть, и правда Екатерина II произвела на Дидро очень сильное впечатление?

А вот у Екатерины происходит обратное: она считает Дидро очень умным человеком, но никак не может приложить его идеи к реалиям жизни.

«Ваш Дидро, – писала Екатерина, – необыкновенный человек. Он меня занимал, но пользы я выносила мало. Если бы я руководствовалась его соображениями, то мне пришлось бы поставить все вверх дном в моей стране: законы, администрацию, политику, финансы и заменить все неосуществимыми теориями. Тогда я объяснилась с ним откровенно: «Господин Дидро, я с большим удовольствием выслушала все, что подсказывал вам ваш блестящий ум. Между тем я, бедная императрица, работаю на человеческой коже, а она очень щекотлива и

раздражительна». После этого объяснения он, как я убеждена, стал относиться ко мне с некоторым соболезнаванием, как к уму ординарному и узкому».

Один ждет, что его замечательные идеи тут же будут воплощаться в жизнь.

Другая хочет сперва понять, как это можно сделать. И не находит никакого способа.

Екатерина жаждала практических указаний, а находила в беседах с Дидро только то, что читала уже раньше в его произведениях. Да он и не мог дать ей практических указаний, потому что никогда и ничем практическим не занимался.

В конце февраля 1774 года он уехал из Петербурга, не простившись с императрицей, которая сама не пожелала прощальной аудиенции, очевидно, чтобы избежать чувствительной сцены. Но «Энциклопедия» еще долгое время служила Екатерине настольной книгой.

Точно так же и Вольтер некоторое время был придворным Фридриха II Великого. С тем же результатом – то есть с полным отсутствием результата. Можно, конечно, предположить тут некую хитрость, подлое желание королей обмануть просветителей и вообще всю образованную общественность. Но в этом ли дело?

Мудрецы или глупцы?

Предвестием Французской революции стали решения, принятые четырьмя сотнями людей одним прохладным летним утром. Это были дворяне, купцы и духовные лица, которых король Франции Людовик XVII созвал для участия в Генеральных штатах. Королю надо было только одно – чтобы Генеральные штаты от имени всей нации подтвердили его право собирать налоги, какие и когда он хочет. Но Генеральные штаты, избранные представители нации, не пошли на поводу у короля. Очень почтительно, но совершенно непреклонно они требуют – пусть король раз навсегда откажется собирать налоги, на которые не согласна вся нация.

«Вы не нужны мне такие!» – гневно кричит король, пытаясь разогнать Генеральные штаты. «Мы нужны своему народу... Мы отвечаем перед теми, кто нас избирал», – по-прежнему почтительно и по-прежнему непреклонно возражают ему депутаты. Король приказывает распустить Генеральные штаты. Он велит запереть все помещения, где собирались депутаты. 17 июня 1789 года депутаты не смогли войти в наглухо запертый зал заседаний. Из всех помещений оказался не заперт только зал для игры в мяч. И тогда четыреста человек в этом зале объявили сами себя не Генеральными штатами короля, а Национальным собранием Франции и поклялись не расходиться, пока король не примет их условий.

В это утро было прохладно, ветрено. Почти одновременно с клятвой пробили часы на башне монастыря Сен-Клу – было 10 часов пополудни.

Конечно же, и после этого события было много всего и очень разного. Началась страшная и очень долгая гражданская война, все стороны которой успели наделать много чего, и длилась фактически до реставрации Бурбонов в 1815 году. Мелькали, как в дурном калейдоскопе, якобинский террор, Вандейские войны, Конвент, смена календаря, переворот, еще переворот, трупы на улицах, Директория и в конце концов новая империя с Наполеоном Бонапартом во главе.

Начинались и кончались войны, и вся Европа полыхала, подожженная революционной Францией, которая сначала хотела принести всем трудящимся Европы такую же счастливую жизнь, а потом как-то незаметно начала строить свою собственную империю. А окончательно все определилось только после поражения Франции и Венского конгресса 1815 года.

Но именно прохладным утром 17 июня 1789 года, в 10 часов по местному времени, провалилась в небытие королевская Франция. А поскольку она была ведущей державой Европы, самой культурной и самой сильной в экономическом и политическом отношениях, то провалился в тартарары и весь мировой порядок XVIII столетия.

Гвардия народа?

Если Национальное собрание не подчиняется королю, то получается – в стране появилось два правительства. В точности как в Англии в недобром 1649 году начали воевать между собой король и парламент.

9 июля Национальное собрание провозгласило само себя Учредительным собранием. Учредительное – от слова «учреждать». Учреждать систему правления? Но в стране как будто уже есть законное правительство? Видимо, «народ» уже не считает законным правительство короля?

И тут на страну обрушивается явление, получившее название «великого страха». В июле – августе 1789 г. по всей Франции прокатываются волны паники. С одной стороны, очень уж это «своевременная» паника, слишком уж полезная для Учредительного собрания. Поэтому до сих пор поговаривают об организации слухов самими революционерами или масонскими ложами.

С другой стороны, нет никаких подтверждений тому, что слухи расходятся из какого-то центра и что их кто-то сознательно распускает. Возможно, народ сам распускал страшные слухи в ситуации неустойчивости. После десятилетий стабильной, спокойной жизни гражданская война обрушивается на Францию внезапно и жутко, вызывая предчувствие какого-то надвигающегося кошмара. Если слухи вызваны предчувствиями, то они не обманули!

Одновременно во всех провинциях Франции заговорили о бандах разбойников, которые явятся буквально завтра-послезавтра. Говорили о «заговоре аристократов», которые двинут против «народа» свои частные армии. Говорили об иностранной интервенции, которой руководят опять же французские дворяне. В общем, слухов было очень и очень много. Под влиянием этих слухов крестьяне и жители маленьких городков, естественно, вооружались и объединялись в отряды, выбирали себе вожakov.

Так же естественно эти отряды не ждали появления разбойников, а сами начинали разбойничать. В лучшем случае они громили нотариальные конторы и сжигали архивы с описанием феодальных повинностей. Многие из них были неграмотны и все равно не могли разобраться, в каком документе и о чем идет речь. Поэтому они жгли на всякий случай вообще все документы.

И это – только в самом лучшем случае. Банды вооруженных людей нападали на замки и в них тоже уничтожали все письменные документы – включая старинные книги и раритеты. На всякий случай и из ненависти к тем, кто умеет читать и писать. Естественно, грабили и вообще все ценное. Если обитатели замков сопротивлялись разбойникам, их изгоняли, калечили и убивали. Не обязательно дворян – прислуги в замках обычно было много, и эти люди были связаны с хозяевами замков поколениями, тесными феодальными связями. Среди 10, 20 или 30 тысяч человек, убитых в это время, самих дворян было в лучшем случае 10–15 % – большинство уже бежало в города. Местные люди платили жизнью за то, что не позволяли грабить своих патронов. Негодяи присоединялись к разбойникам, революция отбирала и ковала себе кадры.

В Париже, пользуясь смутой, распоясались уголовники. Запуганная полиция просто боялась связываться с «народом» – с карманниками, например. Страна начала сползать в беззаконие и смуту.

Король стягивает к Парижу верные ему войска? Народ, нация, тоже должен иметь свою армию! А почему только армию? У короля ведь есть своя гвардия? Пусть она будет и у народа. Национальная гвардия (la Garde Nationale) рождалась очень мотивированно. Первоначально так назывались отряды ополченцев, созданные Национальным собранием Франции в 1789 для наведения порядка на улицах Парижа.

Первым командиром национальных гвардейцев стал ветеран американской революции маркиз де Лафайет (1757–1834). Когда-то провозглашение независимости США вызвало приступ ликования во Франции: ведь взбунтовались колонии ненавистного конкурента, Британии!

Мари-Жан-Пауль де Лафайет воспитывался на просветительной литературе XVIII в. Он снарядил за свой счет корабль, собрал, вооружил «добровольцев», щедро оплатил их труды и поплыл в Америку: сражаться за свободу колонии против Британии. Американский Конгресс тут же произвел его в генерал-майоры. Воевал Лафайет очень отважно, лично водил войска в атаки и стал национальным героем США. Во Франции он тоже был очень популярен: у одних, как «борец за свободу», у других, как борец с Англией.

В феврале 1780 г. Лафайет вернулся на родину. Король велел посадить его под арест на 8 дней за самовольный выезд из страны. Но и все «хорошее общество», и сам Людовик XVI встречали его как героя. К тому времени Франция открыто встала на сторону Соединенных Штатов. После оваций и пиров во Франции де Лафайет вернулся в Америку. Там он успел много что сделать: например, отрезал путь к отступлению британскому генералу Корнваллису, и тот вынужден был капитулировать.

Лафайет и в третий раз побывал в Америке, в 1784 г. На этот раз не было необходимости воевать. Это было триумфальное шествие национального героя.

Мне не удалось достоверно выяснить, использовалось ли название «Национальная гвардия» для иррегулярных вооруженных сил штатов – «граждан-солдат». Принцип Национальной гвардии соблюдался: в мирное время «воскресные солдаты» проводят кратковременные сборы, в военное – защищают отечество, получая небольшую плату. Эти ополченцы и начали войну за независимость 1775–1783 годов. Но, возможно, граждан-солдат стали называть Национальной гвардией позже, по французскому образцу. До сих пор Национальная гвардия (National Guard) США выполняет роль внутренних войск.

Этого-то человека, маркиза де Лафайета, поставили во главе Национальной гвардии. Позже Лафайет это отрицал, но ополченцы много раз заявляли, что это по его приказу они 13 июля ворвались в Дом инвалидов – то есть в Дом отслуживших свой срок солдат, военных пенсионеров, разграбили Дом инвалидов, Арсенал и городскую мэрию. В Париже сразу оказалось от 20 до 30 тысяч вооруженных людей.

Это были от начала до конца «незаконные вооруженные формирования». Не случайно Национальной гвардией в конце 1980-х называли вооруженных повстанцев в Чечне и Грузии, Киргизии и в Узбекистане.

Да, кстати, слухи о разбойниках, восстании дворян и интервентах не подтвердились. Но конечно же, Национальная гвардия и не думала разоружаться.

Величайший фарс Великой Французской революции

Во Франции одновременно два правительства. Одно сидит в королевской резиденции, Версале. Теоретически ему принадлежит и Зимний дворец королей Лувр.

Другое правительство, Учредительное собрание, расположилось в Пале-Рояле (Palais Royal, то есть «королевский дворец») – площадь, дворец и парк, расположенные в Париже напротив северного крыла Лувра.

В Париже две армии. Одна подчиняется королю, другая – Учредительному собранию. Солдаты этих армий задирают друг друга, грозят оружием. В воскресенье 12 июля в Париже начались столкновения горожан с ранее стянутыми к столице войсками.

В тот же день король уволил популярного министра Неккера. По этому поводу мало известный журналист Камиль Демулен произнес в Пале-Рояле свою знаменитую речь: «Граждане! Я только что прибыл из Версаля. Неккер получил отставку! Возможно ли большее глум-

ление над нами? У патриотов остается только одно средство – это прибегнуть к оружию! Итак, граждане, к оружию!».

Совершенно очевидно, что отставка Неккера – только предлог. Даже если бы сам Неккер упал на колени, умоляя его не защищать, «патриоты» пошли бы на ненавистного врага – на короля и всех его сторонников.

Толпа в восторге. Воя и рукоплеща, она предлагает Демулену возглавить восстание. А он, картинно простирая руку, кричит, что отказывается от роли вождя, он хочет быть простым солдатом Отечества, Прекрасной Франции. «Свобода! Свобода! – кричит Демулен. – Она парит над нашими головами! Она увлекает меня в свой священный полет. Вперед к победе! Смотрите на меня, притаившиеся шпионы! Это я, Камиль Демулен, призываю Париж к восстанию! Я не боюсь ничего!.. Братья! Мы будем свободны!..»

Совершенно очевидно, что перед нами – не политическая программа и не план восстания. Перед нами – тот самый случай, когда один из тысяч болтунов, упиваясь собственной храбростью, спускает с цепи миллионы дикарей.

Историк Павел Воронцов приводит статью из парижской газеты «Монитор» за 17–20 июля 1789 г. «В ней [отставке Неккера. – *П.В.*] видели предвестие трех ужасающих бедствий – голода, банкротства и гражданской войны. Зрелища и увеселения сразу же были отменены, как в дни скорби и траура. Одновременно люди кидаются в Пале-Рояль: для того, чтобы совместно противостоять усилиям тирании. Негодование достигает предела, и собравшиеся во множестве французы, бледные, с отчаянием на лицах и бессвязными призывами к возмездию на устах, готовы, как львы, устремиться ради спасения Отечества, пусть даже и безоружными, навстречу опасности. В этот момент молодой человек [Камиль Демулен. – *П.В.*] залезает на стол, кричит: «К оружию!», выхватывает шпагу, потрясает пистолетом и показывает собравшимся зеленую кокарду [Камиль сорвал веточку с дерева. – *П.В.*]. Толпа, которая смотрела и слушала в молчании, наэлектризованная его отвагой, внезапно разражается громкими криками. Все возбуждаются, воодушевляются, и в одно мгновение тысячи людей срывают листья с деревьев, прикрепляют их вместо кокарды и дают тем самым сигнал к восстанию во всех кварталах города»²².

Что характерно – грабить Арсенал, Дом инвалидов и мэрию толпа могла практически безнаказанно. Правительственные войска не вступают в активную схватку: король не хочет кровопролития в своей столице, проклятый реакционер. Париж фактически в руках повстанцев.

Во вторник, 14 июля 1789 г., продолжается грабеж в складах оружия: королевский режим заготовил его очень много, воровать и грабить можно долго. До сих пор неизвестно, кто первым крикнул: «На Бастилию!». Позже эту заслугу пытались приписать себе до 200 человек. И около 30 тысяч вооруженных «патриотов» устремились к крепости. Тут же выбрали себе командиров – неких Полена и Эли (Hulin et Elie), – в прошлом оба – офицеры королевских войск. Кто им подчинялся, кто нет.

Собственно говоря, зачем нужна была повстанцам Бастилия?

Бастилия (фр. la Bastille или точнее la Bastille Saint-Antoine; парижанин скажет просто Bastille) – изначально крепость, построенная в 1370–1381 гг., и место заключения государственных преступников в Париже. Некоторые из них и правда содержались в ужасных условиях... в XV–XVI веках, за два столетия до Французской революции.

Первыми узниками Бастилии стали граф де Даммартен, которому удалось бежать, и коннетабль де Сен-Поль. В 1476 г. в Бастилию ввергли несчастного Жака д'Арманьяка, герцога де Немура. Герцога обвинили в заговоре против короля Людовика XI, держали в железной клетке, пытали и в конце концов обезглавили.

²² http://zhurnal.lib.ru/w/woronkow_p/desmoulins.shtml

Самый загадочный узник Бастилии – «железная маска», (*homme au masque de fer*) (около 1660–1970 гг.). Кто он такой, до сих пор остается неразгаданным. Одно из наиболее вероятных предположений – мнение Вольтера, усматривавшего в нем незаконного сына Анны Австрийской, притязаний которого на престол Людовик XIV мог справедливо опасаться.

На самом деле маска на узнике была не железная, а шелковая, и он мог расхаживать по всей крепости, но ни с кем не мог разговаривать.

Не менее яркий узник – Алессандро Калиостро: то ли величайший авантюрист, то ли загадочное бессмертное существо, лично общавшееся с Марком Аврелием и Юлием Цезарем.

Побывали в крепости и другие знаменитости, а Вольтер даже дважды: в 1717 г. за сатиру в адрес герцогини де Верри и в 1726 г. из-за истории с шевалье де Роганом.

О режиме содержания в Бастилии рассказывали невероятное количество разных ужасов. Заклучали в Бастилию без суда и следствия, на основании королевский записки о заточении, или все тех же карт-бланшей.

Заклученных содержали в цепях. И в ручных и в ножных. За малейшую провинность, тем более за попытку побега их заточали в темный и мрачный погреб. Не менее ужасное место находилось под крышей каждой башни: в жаркие дни крыша раскалялась от солнца, сводя с ума несчастного арестанта. Срок пребывания под крышей или в подвале зависел исключительно от коменданта крепости. А «все знали», что ее последний комендант Лонэ – необычайно черствый, жестокий человек.

Если хоть половина из этих ужасов была бы правдой, Вольтер не пережил бы и одного заключения. А он и после двух не утратил ни здоровья, ни вкуса к жизни.

Во всех легендах о Бастилии совершенно не упоминается еще одно: крепость служила складом оружия и пороха. Порох хранился в тех самых подвалах, которые молва заполняла толпами изможденных закованных узников.

Все эти сказочки очень напоминают истории про ужасы и зверства царского правительства, творившиеся якобы в Петропавловской крепости. Никаких свидетельств этому никогда не было найдено, но упорные слухи ходили.

Другая аналогия: в разгар венгерского восстания 1956 года толпа штурмовала здание Городского комитета правящей партии. В Будапеште давно говорили о том, что из этого здания есть выход в подземелье, где томятся политические узники. Но никаких тайных ходов в захваченном доме найти не удалось, а сотрудники Горкома даже под страхом смерти клялись, что ничего об этом не знают. Не смог помочь и архитектор здания, доставленный на место события. Тогда привезли буровые машины. Целую ночь толпа не расходилась, с волнением наблюдая, как в различных точках просверливается пространство вокруг. При этом сотни людей слышали из-под земли стоны и мольбы о помощи, предупреждая буровиков об осторожности. Но ни подземной тюрьмы, ни заключенных так и не нашли...

Бастилия, к которой мчались до 30 тысяч строителей светлого будущего, представляла собою длинное массивное четырехугольное здание, обращенное одной стороной к городу, а другой – к предместью, с 8 башнями, обширным внутренним двором и окруженное широким и глубоким рвом, через который был перекинут висячий мост. Все это вместе было еще окружено стеной, имевшей одни только ворота со стороны Сент-Антуанского предместья. Дом коменданта и казармы солдат находились во втором, наружном дворе. Крепость защищали 32 швейцарца Салис-Самадского полка и 82 инвалида – весь ее гарнизон.

Официальная история рассказывает о «штурме Бастилии» в таких выражениях: «Но в руках правительства оставалась грозная крепость – тюрьма Бастилия. Восемь башен этой крепости, окруженной двумя глубокими рвами, казались несокрушимой твердыней абсолютизма. С утра 14 июля толпы народа ринулись к стенам Бастилии, комендант крепости приказал открыть огонь. Несмотря на жертвы народ продолжал наступать. Рвы были преодолены: начался штурм крепости. Плотники и кровельщики сооружали леса. Артиллеристы, перешед-

шие на сторону народа, открыли огонь и пушечными ядрами перебили цепи одного из подъемных мостов, народ ворвался в крепость и овладел Бастилией»²³.

Можно привести много не менее красочных описаний. Это лучше других только живописанием того, как ремесленники использовали профессиональные познания для сооружения лесов.

Но не было этого всего. Не было. Как не было густого порохового дыма, пальбы пушек, трупов на мостовой, так изящно изображенных на картинах Жанине и Уэля (и многих других).

Начать стоит с того, что активных «штурмовиков» насчитали не более 800, остальная толпа только стояла и смотрела. В числе активных были, кстати, и двое русских – братья Голицыны с энтузиазмом лезли в первые ряды.

По описаниям очевидцев, среди зрителей были и дворяне, и прогуливающиеся дамы, и гвардейцы. Штурм? Нет... просто «революционный народ» стал стрелять по крепости. Гарнизон ответил несколькими выстрелами. Убитых не было, но раненые появились и среди стрелявших, и среди зевак. Тогда ряды активных «штурмующих» пополнились, но многие зеваки предпочли удалиться от греха подальше.

«Революционный народ» потребовал сдать крепость. Комендант Бастилии маркиз де Лонэ отказался. Около часу дня «революционные массы» придвинулись вплотную к крепости, грозили оружием и ругались. Де Лонэ прекрасно знал, что крепость сражаться не может, что осады она не выдержит из-за отсутствия запасов воды и что никакой помощи из Версаля не пребудет. Верный присяге, маркиз решил взорвать Бастилию.

Но в то самое время, когда он с зажженным фитилем в руках хотел спуститься в пороховой погреб, два унтер-офицера Беккар и Ферран бросились на него, отняли фитиль и заставили созвать военный совет гарнизона. В сущности, гарнизон Бастилии взбунтовался.

Военный совет? Это был скорее митинг, на котором все решало число поданных голосов и громкость крика. Почти единогласно было решено сдать. Был поднят белый флаг, и спустя несколько минут по опущенному подъемному мосту Гюлен и Эли, а за ними огромная толпа проникли во внутренний двор Бастилии (стрелять по цепям моста не было ни малейшей нужды).

Зверства «старого режима»? В Бастилии не нашли ни камеры пыток, ни орудий пыток, ни прикованных скелетов, ни страшных казематов под крышей и в подвалах. А вот зверства со стороны революционеров были. Несколько офицеров и солдат были убиты на месте, еще несколько «революционный народ» «судил» и тут же повесил.

Что любопытно – революционный народ немедленно стал сжигать и растаскивать архив Бастилии. До нашего времени сохранились от силы 2–3 % всех документов. Кому и зачем было это надо? Вот, право, интересный вопрос...

Один из ключей от Бастилии де Лафайет отослал первому президенту Соединенных Штатов Джорджу Вашингтону: он был знаком с ним как с одним из главных организаторов Американской революции. Ключ до сегодняшнего дня хранится в бывшей резиденции президента Маунт-Вернон (Mount Vernon): ее превратили в музей.

Бастилию объявили символом «старого режима», а что «старый режим» так вовсе не считал – революционеры полагали не важным. Крепость ритуально уничтожили – как в Средние века ритуально уничтожались гербы и символы опальных феодалов.

До 16 мая 1791 года продолжалось разрушение крепости. Большая часть камня Бастилии пошла на строительство моста Конкорд. Из этого же камня делали миниатюрные изображения Бастилии и продавали как сувениры.

²³ Всемирная история. Том VI. – М., 1959. с. 20.

Уничтожили «символ королевской власти» – получили символ революции: образовалась обширная пустая площадь. На провеваемом ветрами пустыре установили революционную табличка с надписью «Отныне здесь танцуют».

«Старый режим» давно собирался снести Бастилию. Архитекторы планировали поставить на площади памятник Людовику. Теперь, конечно, памятник должен был изображать кого-нибудь другого. Предлагали воздвигнуть памятник Бонапарту. Но генерал Наполеон Бонапарт предложил построить на этом месте фонтан в виде колоссального слона с башней. Такого слона не построили, но некоторое время здесь возвышалась деревянная модель этого памятника. Это тот самый слон, в котором ночуют бездомные дети в романе В. Гюго «Отверженные» – в эпизоде с Гаврошем.

В настоящее время на месте снесенной крепости находится площадь Бастилии – место пересечения десятка улиц и бульваров с подземным узлом парижского метро из трех линий и новой Парижской оперой.

Чем дальше от события, тем больше оно расцветивалось различными подробностями, все больший масштаб и все большую значимость приобретало взятие Бастилии. Начиная с 1880 года годовщина взятия Бастилии, 14 июля, празднуется французами как национальный праздник. Французский вариант 7 ноября.

Большое значение в этой пропаганде играла пресса.

Роль прессы

Во время Французской революции 1789–1794 гг. (или 1799?) произошло становление политической печати и зарождение прессы в современном понимании этого слова. Роль и значение газет и журналов возросли до такой степени, что уже никто не представлял себе того положения, в котором пребывала печать до Революции.

Вот какое объяснение слова «газета» приводит Камиль Демулен: «При старом режиме периодический листок, который сообщал о погоде. А сегодня журналисты – общественная власть. Они разоблачают, декретируют, управляют удивительнейшим образом, оправдывая или осуждая. Каждый день они поднимаются на трибуну: они среди тех, чей голос слышат 83 департамента. За 2 су можно слушать этого оратора. Газеты каждое утро сыплются, как манна небесная, и, подобно солнцу, ежедневно выходят освещать горизонт».

Важность печати была понята всеми политическими партиями. Все выдающиеся деятели Французской революции редактировали газеты. Их журналистская работа была тесно связана с политической деятельностью.

Перед революцией шло стремительное оживление периодической печати. Газеты продавались на улице, имелись в большинстве кафе, а кафе насчитывалось в Париже перед революцией 1800.

К 1789 году мысль о свободе печати проникла глубоко в сознание общества, и необходимость ее для развития прессы никем не оспаривалась.

Если в 1788 году во всем королевстве насчитывалось 60 периодических изданий, то с 14 июля 1789 года по 10 августа 1792 года появилось свыше 500 различных газет.

Накануне революции наиболее распространенной была «Парижская газета», имевшая тираж около 10 тыс. экз. Как правило же, тираж колебался от 300 до 500 экз. Большинство газет выходило 2–3 раза в неделю. Обычно распространялись брошюры из нескольких номеров газет, но с 1789 года с ростом тиража и числа газет революции их стали продавать и отдельными номерами.

Печать сыграла важную роль в борьбе за свержение монархии. Печать стала серьезнейшим оружием в борьбе за установление якобинской диктатуры.

Эта революция в печати не была следствием технической революции, но стала возможной исключительно благодаря политическим изменениям в стране. Лишь в 1815 г. во Франции стала внедряться новая техника в полиграфии. До этого почти все делалось вручную. Как правило, один и тот же человек был и редактором, и издателем, и продавцом своей газеты. На одном прессе можно было напечатать за 24 часа 3 тыс. экз. – максимальный тираж ежедневной газеты.

Бумага была обычно низкого качества, грубая, зернистая, шероховатая, иногда слегка окрашенная или покрытая пятнами. Многочисленные дефекты бумаги сказывались на качестве печати.

Производство газет было делом дорогим, но все же рентабельным, причем за счет продаж: реклама в газетах находилась в зачаточном состоянии.

Говоря о печати первых лет революции, необходимо отметить появление в это время вечерних газет, в которых помещались стенографические отчеты о работе Национального собрания. Эти вечерние газеты быстро завоевали популярность, так как они оперативно информировали о заседаниях Ассамблеи.

Увековечили...

В фольклоре революционеров всех стран взятие Бастилии изображалось как великое деяние и как историческое событие. В стихотворении Эдуарда Багрицкого «Бастилия» это выглядит так:

Бастилия! Ты рушишься камнями,
Ты падаешь перед народом ниц...
Кружится дым! Густое свищет пламя,
Ножами вырываясь из бойниц.
Над Францией раскат борьбы и мести!
(Из дальних улиц барабанный бой...)
Гляди! Сент-Антуанское предместье
Мушкетом потрясает над тобой.
Оно шумит и движется, как пена,
Волнуется, клокочет и свистит...
И голосом Камилла Демулена
Народному восстанию говорит!
Король! Пора! К тебе народ зовет!
К тебе предместий тянется рука!
Гремит охота. Ветер раздувает
Напудренные букли парика...
Олений парк. Английская кобыла
Проносится по вереску... А там
Трясутся стены воспаленной силой
И отблески танцуют по камням.
Король, ты отдыхаешь от охоты,
Рокочут флейты, соловьи поют...
Но близок час! В Париже санкюлоты
Республику руками создают!
В ком сердце есть, в ком воля закипает,
Вперед! вперед! По жилам хлещет дрожь!
И Гильотэн уже изобретает

На плаху низвергающийся нож.
Еще в сердцах не разгулялось пламя,
Еще сжимает жесткий нож ладонь,
Но Робеспьер скрывает за очками
Сверкающую радость и огонь...
Но барабанов мерные раскаты
Восстаний отчеканивают шаг,
Но выщербленное лицо Марата,
Прищурившись, оглядывает мрак...
Бастилия! Ты рушишься камнями,
Ты сотрясаешь площадей гранит...
Но каждый камень зажигает пламя,
И в каждом сердце барабан гремит!

Главный освобожденный

Самым заслуженным, без сомнения, оказался не кто-нибудь, а ненавистный революционерам аристократ – граф де Лорж. Он содержался в заключении более сорока лет. Кроме него, свободу обрели четыре финансовых махинатора, один распутник, заключенный в Бастилию по желанию своего отца, и дворянин, как-то не поладивший с королевской фавориткой. Если бы Бастилию взяли на день раньше, то на свободу вышел бы и маркиз де Сад, по случайности переведенный из нее в другую тюрьму как раз накануне штурма.

Маркиз Донасьен Альфонс Франсуа де Сад (1740–1814). Проповедник абсолютной свободы, которая не была бы ограничена ни моралью, ни религией, ни правом. Любитель получать сексуальное удовлетворение путем причинения другому человеку боли или унижений. После работ сексолога Рихарда фон Крафт-Эбинга эта склонность получила название садизма. Основной целью жизни он считал достижение максимального телесного наслаждения.

Маркиз окончил кавалерийское училище и сделал неплохую военную карьеру. За заслуги в боях на полях Семилетней войны 14 января 1757 года он получил звание корнета карабинеров, а 21 апреля 1759 года – звание капитана кавалерии Бургонского полка. В 1763 году де Сад ушел в отставку в звании капитана кавалерии.

Все прекрасно, да только маркиз не ограничивался сомнительными теориями и все старался воплотить их в жизнь. 17 мая 1763 года он, с благословения короля Людовика XV и королевы, женится на госпоже Рене-Пелажи Кордые де Монтрей. А 29 октября он был даже заключен в башню замка Венсенн за скандальное поведение в доме свиданий, откуда был выпущен через пятнадцать суток. Скандальное поведение состояло в попытке пороть розгами обитательниц дома терпимости.

С тех пор он с иссушающей душу регулярностью попадал в тюрьму, бежал оттуда, влипал в новые истории, снова попадался. Весело жил. В Бастилии де Сад написал очередной роман с характерным для него названием «120 дней Содома». Рукопись представляла собой рулон бумаги длиной около двадцати метров. Маркиз прятал его 4 года!

2 июля 1789 года де Сад прокричал из окна своей камеры, что в Бастилии избивают арестантов. Он призывал народ прийти и освободить его и других избиваемых страдальцев! 4 июля за эту выходку де Сада перевели в лечебницу Шарантон, причем запретили ему забрать книги и рукописи, среди которых находилась рукопись «120 дней Содома» (спрятанная?!). 14 июля Бастилию заняли народные толпы, камера де Сада была разграблена, и многие рукописи были сожжены. Но рукопись «120 дней Содома» перед «штурмом» крепости «нашел»

и вынес охранник. Трудно поверить, что охранник с самого начала не знал, где эта рукопись находится²⁴.

Говоря коротко, маркиз продолжал жить бурно и, наверное, по своим представлениям, весело. Он писал и ставил пьесы, выпускал книги, занимал должности комиссара государственного Совета по здравоохранению, присяжного революционного трибунала, председателя революционной секции «Пик». В конечном счете был вынужден бежать.

Что характерно, при Наполеоне никаких должностей он не занимал, хотя скончался уже в 1814 году.

Двоевластие по-французски

Людовик XVI уступил требованию Национального собрания отозвать войска из Парижа. В пятницу 17 июля король посетил Ратушу. В знак единства с «народом» король принял из рук мэра трехцветную кокарду. То есть символ революционного правительства. Король утвердил в должностях выбранных парижанами мэра Ж.-С. Байи и командующего Национальной гвардией М.-Ж. де Лафайета. Кому же обязаны эти лица своими должностями?! Учредительному собранию? Да... но, получается, и королю.

Национальное собрание пытается «прихватизировать» и армию.

Декрет Национального собрания от 10 августа 1789 г. гласит: «Чтобы солдаты приносили присягу перед целым полком, стоящим под оружием, в том, что они никогда не покинут своих знамен и будут верны нации, королю и закону».

Солдаты должны быть верны и нации и королю... В реальности они, конечно, выбирают или нацию, или короля.

После взятия Бастилии по всей Франции развернулась «муниципальная революция»: в ее ходе создаются новые органы местного самоуправления. Образцом для них стал служить городской муниципалитет Парижа – Парижская коммуна. Во многих городах возникает реальное двоевластие. «Муниципальная революция» сопровождается повсеместным формированием Национальной гвардии.

Но и у новых властей возникают опасения: слишком много никем не учтенного оружия захватил «народ». «В Париже Избирательному комитету во главе с новым мэром и командующим приходится убеждать воинственных рабочих возвратиться к своим ремеслам... Люди, не записавшиеся в гвардию, сдают оружие – не так охотно, как хотелось бы, и получают по «девять франков» [это половина дневной зарплаты членов Национального собрания].

Сдают не все! Повсеместно происходят столкновения между Национальной гвардией и теми, кто в гвардию идти не хочет, но и оружия не сдает. Марксисты упорно называют их «революционными рабочими». Современники частью были сторонниками того, чтобы все «патриоты» владели оружием, частью опасались, что сами накликают на свою голову разбойников.

Марксисты обожают говорить о «рабочем движении», но активность рабочих и ремесленников бывает такова, что ни в какую «теорию» Карла Маркса ее не уложишь. Скажем, портные-подмастерья требуют от правительства, чтобы им платили в два раза больше прежнего и чтобы торговцам запретили чинить и шить одежду, сохранив за портными монополию.

Парикмахеры-подмастерья и сапожники-подмастерья, наоборот, требуют, чтобы им дали такие же права, как мастерам. Мастера не хотят пускать в цех конкурентов, подмастерья возмущаются... Рабочие против рабочих, а ружья из арсенала – у всех.

В деревне восстание 14 июля отразилось как новая волна крестьянских восстаний. Во многих провинциях, особенно в Дофине, Франш-Конте, Эльзасе, развернулись необычные по

²⁴ Маркиз де Сад и XX век. Пер. с франц. Исследования о де Саде Ж. Батая, П. Клоссовски, М. Бланио, Р. Барта, А. Камю и др. – М., 1992.

силе и размаху крестьянские восстания и выступления. Крестьянские восстания продолжают до прихода к власти Бонапарта. Летом же 1789 года начался первый поток белой эмиграции из Франции.

Самое же зловещее: ни от каких споров о праве короля на вето и о числе выборщиков не становится больше хлеба. Экономика разваливается.

23 августа 1789 года Генеральный контролер финансов дает приказ о роспуске благотворительных мастерских на Монмартре и в Шайо. Работали они при короле и работали... А теперь все, денег нет. Граждане, представители народа могут идти куда угодно. А они ведь тоже вооружены!

Против рабочих мастерских выступают войска. Лафайет, как командующий войсками, сообщает этим рабочим, «что столица и впредь будет выдавать им поденную плату в 20 су на их пропитание и что вскоре она будет вынуждена отправить большинство из них в разные провинции». Лафайет ясно объясняет рабочим, что их труд больше не нужен и что их скоро разгонят. А на рабочих, в знак серьезности намерений, наводят пушки. Пока не стреляя, пока так.

Подвоз продовольствия уменьшился, цены растут, мука исчезает из продажи. Торговки с Центрального рынка организуются в корпорацию. Они требуют от правительства снижения цен на хлеб и жалуются на слишком длинные очереди у булочных. В источниках упоминается, что «Мэр Сен-Дени был повешен на тамошнем фонаре, до того мерен был его хлеб». Я не смог установить, кто вешал мэра пригорода Парижа Сен-Дени? Неужто торговки? И за что? Он сам портил муку или как? Одна из множества жертв события, о котором до сих пор полагается говорить, приды-хая от восхищения.

Праздно, озлобленно, недовольно гудит громадный город.

Пленение короля

Король по-прежнему находится в Версале. В Версаль стекаются офицеры и дворяне, преданные королю. Ходят слухи (опять слухи!), что короля собираются увезти в Мец 5 октября. Там находится маркиз Буйе с войском, состоящим из французских и иностранных солдат. Там король должен стать во главе этого войска, объявить Национальное собрание сборищем мятежников и силой проложить себе дорогу в Париж.

Пока что не король куда-то бежит, а 23 сентября Фландрский полк прибывает в Версаль с двумя пушками. К нему на помощь подтягивается полк Монморанси. Король увеличивает число своих лейб-гвардейцев. Национальная гвардия в Версале ведет себя тише воды, ниже травы. Две армии, короля и Учредительного собрания, пока что стоят друг против друга.

1 и 3 октября двор дает обед лейб-гвардейцам. На обеде придворные дамы, принцы и герцоги призывают их снять с себя трехцветные буржуазные кокарды и вместо них надеть черные, королевские.

5 октября не король бежит в Мец. 5 октября в Версаль пожаловала толпа из нескольких тысяч парижских женщин. Дамы уже давно активно выступают на митингах. В Пале-Рояле некая дама публично заявляет, что «ее бедному мужу местные власти заткнули рот, их председатель и чиновники не дают ему выступать. Поэтому она будет говорить здесь». Какой именно злодей заставил ее бедняжку мужа молчать, история умалчивает.

Женские митинги разрастаются. 5 октября толпа женщин захватывает стоящие у ратуши пушки. Они устремляются в Версаль, катят с собой пушки. У них нет пороха и ядер, они не умеют обращаться с артиллерией. Но героические революционные власти дают им эти пушки и не мешают. Уже за толпой женщин следует Лафайет с отрядами Национальной гвардии в трехцветных кокардах. С Национальной гвардией идет толпа, вооруженная ружьями.

В Версале женщины требуют у короля ограничения цен на продовольствие. Король откровенно растерян. Из толпы кричат, что должны быть наказаны те гвардейцы, которые оскорбили «патриотическую» трехцветную кокарду.

Тут национальные гвардейцы из Версаля открывают огонь по лейб-гвардейцам короля! Белые и красные готовы начать сражение... королю достаточно скомандовать, его приказа откровенно ждут. Но король не решается. Он... нет, даже не приказывает... Он просит лейб-гвардейцев уйти из Версаля в Рамбуйе: не провоцировать «народ». Остаются только дежурные часовые, верные королю части уходят.

Сам король тоже пытается выехать из Версаля. Однако версальские патрули, состоящие из солдат Национальной гвардии, под командованием майора Лакуэнтра оба раза возвращают королевские экипажи. Фактически король взят под стражу.

В 11 часов вечера в Версаль прибывает Лафайет с главной массой Национальной гвардии. Лафайет в сопровождении двух членов муниципалитета предъявляет королю требования, состоящие из четырех пунктов: «Первое, чтобы честь охранять его священную персону была возложена на Национальную гвардию... Второе, чтобы было получено продовольствие, если возможно. Третье, чтобы в тюрьмы, переполненные политическими преступниками, были назначены судьи. Четвертое, чтобы Его Величество соизволило переехать жить в Париж».

Король обещает подумать.

На следующий день, 6 октября, один из оставшихся в Версале лейб-гвардейцев говорит что-то, чего «не одобряет» «народ». Что именно он сказал, мы не знаем. Одни историки говорят про «оскорбление», другие, что он «обругал собравшихся».

Перебранка переходит в перестрелку. «Народ» врывается в казармы лейб-гвардии, в которых почти никого нет. «Подвиг «в духе «штурма Бастилии». Лейб-гвардейцы отступают в покои короля. И тут выходит Национальная гвардия... с ружьями наперевес. Король выходит на балкон своего дворца, сопровождаемый Лафайетом. О чем говорили они, король Людовик и Лафайет? Этого мы не знаем. Знаем, что толпа кричит снизу: «Короля – в Париж!» Король кивает. С этого момента он – фактически пленник.

Главный политический фарс

Первоначально депутаты Учредительного собрания разделились на «аристократов» (защитников старого порядка) и «патриотов» (сторонников преобразований). Как лозунг всего государства провозглашаются свобода, равенство, братство²⁵. Что свобода категорически противоречит равенству, как-то никто не замечает.

Идут ожесточенные и совершенно абстрактные споры о том, какие права должен иметь король, а какие – Народное собрание. Учреждение новой формы власти никак не может состояться – слишком различны позиции партий жирондистов, фельянов, «Горы», якобинцев. Я не буду подробно описывать их позиции, поведение и политику.

Об этом написаны целые библиотеки, да моя книга и не об этих удивительных личностях.

Важно, что они никак не могут договориться между собой решительно ни о чем. Спорят о числе палат будущего парламента, о праве короля накладывать вето (запрет) на решения парламента, о том, кому предоставлять избирательное право, – страна разваливается сама по себе, господа учредители болтают сами по себе.

Единственно, в чем преуспели господа учредители, 26 августа 1789 года они приняли «Декларацию прав человека и гражданина». Приведу полностью этот фантастический документ.

²⁵ Пименова Л. А. Идея свободы во Французской революции XVIII в. // Новая и новейшая история. № 1. 1992.

«Представители французского народа, образовав Национальное собрание и полагая, что невежество, забвение прав человека или пренебрежение ими являются единственной причиной общественных бедствий и испорченности правительств, приняли решение изложить в торжественной Декларации естественные, неотчуждаемые и священные права человека, чтобы эта Декларация, неизменно пребывая перед взором всех членов общественного союза, постоянно напоминала им их права и обязанности, чтобы действия законодательной и исполнительной власти, которые в любое время можно было бы сравнить с целью каждого политического института, встречали большее уважение; чтобы требования граждан, основанные отныне на простых и неоспоримых принципах, устремлялись к соблюдению Конституции и всеобщему благу. Соответственно, Национальное собрание признает и провозглашает перед лицом и под покровительством Верховного существа следующие права человека и гражданина.

Статья 1

Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе.

Статья 2

Цель всякого политического союза – обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковые – свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению.

Статья 3

Источником суверенной власти является нация. Никакие учреждения, ни один индивид не могут обладать властью, которая не исходит явно от нации.

Статья 4

Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Пределы эти могут быть определены только законом.

Статья 5

Закон имеет право запрещать лишь действия, вредные для общества. Все, что не запрещено законом, то дозволено, и никто не может быть принужден делать то, что не предписано законом.

Статья 6

Закон есть выражение общей воли. Все граждане имеют право участвовать лично или через своих представителей в его создании. Он должен быть единым для всех, охраняет он или карает. Все граждане равны перед ним и поэтому имеют равный доступ ко всем постам, публичным должностям и занятиям сообразно их способностям и без каких-либо иных различий, кроме тех, что обусловлены их добродетелями и способностями.

Статья 7

Никто не может подвергаться обвинению, задержанию или заключению иначе, как в случаях, предусмотренных законом и в предписанных им формах. Тот, кто испрашивает, отдает, исполняет или заставляет исполнять основанные на произволе приказы, подлежит наказанию; но каждый гражданин, вызванный или задержанный в силу закона, должен беспрекословно повиноваться: в случае сопротивления он несет ответственность.

Статья 8

Закон должен устанавливать наказания лишь строго и бесспорно необходимые; никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, принятого и обнародованного до совершения правонарушения и надлежаще примененного.

Статья 9

Поскольку каждый считается невиновным, пока его вина не установлена, то в случаях, когда признается нужным арест лица, любые излишне суровые меры, не являющиеся необходимыми, должны строжайше пресекаться законом.

Статья 10

Никто не должен быть притесняем за свои взгляды, даже религиозные, при условии, что их выражение не нарушает общественный порядок, установленный законом.

Статья 11

Свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека; каждый гражданин поэтому может свободно высказываться, писать, печатать, отвечая лишь за злоупотребление этой свободой в случаях, предусмотренных законом.

Статья 12

Для гарантии прав человека и гражданина необходима государственная сила; она создается в интересах всех, а не для личной пользы тех, кому она вверена.

Статья 13

На содержание вооруженной силы и на расходы по управлению необходимы общие взносы; они должны быть равномерно распределены между всеми гражданами сообразно их возможностям.

Статья 14

Все граждане имеют право устанавливать сами или через своих представителей необходимость государственного обложения, добровольно соглашаться на его взимание, следить за его расходованием и определять его долевого размер, основание, порядок и продолжительность взимания.

Статья 15

Общество имеет право требовать у любого должностного лица отчета о его деятельности.

Статья 16

Общество, где не обеспечена гарантия прав и нет разделения властей, не имеет Конституции.

Статья 17

Так как собственность есть право неприкосновенное и священное, никто не может быть лишен ее иначе, как в случае установленной законом явной общественной необходимости и при условии справедливого и предварительного возмещения»²⁶.

На очень долгое время французские законодатели «забыли» об этой Декларации, как стараются забыть страшный сон. Но 4 октября 1958 года она подтверждена Французской консти-

²⁶ Французская республика: Конституция и законодательные акты. – М., 1989. с. 26–29.

туцией. А 16 июля 1971 года конституционный совет Франции признал Декларацию юридически обязательным документом, нарушение которого приравнивается к неконституционности.

Нарастающий хаос

Буквально любые решения, которые принимает новое правительство Франции, служат только увеличению хаоса, бардака, беспорядка, беспредела. Даже вроде бы довольно разумные. Причина простая: все они совершенно непродуманны. Все хотят как лучше, а получается, как всегда.

Сравнительно удачны декреты об упразднении цехов (1791), об уничтожении регламентации, внутренних таможен и прочих ограничений, препятствовавших развитию торговли и промышленности.

Декреты об отмене деления на сословия не в силах изменить принадлежности людей к тому или иному сословию. Есть вещи, которые хоть отменяй, хоть не отменяй, они есть, и все. Характерно, что в Индии после достижения независимости касты не «отменили», а объявили об их равенстве перед законом.

Декрет о передаче церковного имущества в распоряжение нации 2 ноября 1789 ведет к диким спорам о том, как и по какому принципу делить бывшую церковную землю. Ведь механизм не продуман.

Декрет об уничтожении старого, средневекового административного деления Франции и о разделении страны на департаменты, дистрикты, кантоны и коммуны (1789-90) ведет к невероятному бардаку в управлении страной. Совершенно непонятно, как разграничить полномочия коммун-муниципалитетов, административных единиц и центрального правительства.

Декреты конца 1789-го о введении цензовой избирательной системы и разделении граждан на «активных» и «пассивных» делят вроде бы «равных» граждан на имущественные категории. Одни (примерно треть мужского населения) имеют избирательные права, другие – не имеют. Эти декреты вошли в Конституцию 1791 г.

В 1790 году проводят реформу церкви, чтобы поставить католическую церковь на службу государству и превратить священников в государственных служащих. До этого французская церковь подчинялась Ватикану. Теперь все священнослужители должны были принести гражданскую присягу, и им вменялось в обязанность разъяснять прихожанам постановления Национального собрания. Устанавливалась выборность священников и епископов прихожанами.

Регистрация актов гражданского состояния из ведения церкви передавалась государственным органам.

Почти все епископы и около половины низшего духовенства отказались принести гражданскую присягу. Неприсягнувшее духовенство оказывалось политическими врагами «народа».

Римский папа предал анафеме гражданское устройство духовенства. В результате французское духовенство раскололось на присягнувшее (или конституционное) и неприсягнувшее.

Решения властей вызвали и первые территориальные расколы государства. Расположенные на юге Франции Авиньон и графство Венессен со столицей в г. Карпантра были владениями римского папы. С началом революции жители Авиньона сформировали муниципалитет и Национальную гвардию. Они стали требовать присоединения к Франции. Но хотели этого не все, летом 1790 г. в городе вспыхнуло восстание, которое быстро было подавлено местной Национальной гвардией.

Жители Карпантра предпочли сохранить верность римскому папе. В 1791 г. между Авиньоном и Карпантра началась гражданская война, в которой Авиньон опирался на поддержку Национальной гвардии других городов Юга. В сентябре 1791 г. декретом Учредительного

собрания Авиньон и графство Венессен были присоединены к Франции. Одни Декрет признали, другие – нет, гражданская бойня продолжалась.

Многие ученые разделяют Французскую революцию на три этапа. Первый этап революции (14 июля 1789 – 10 августа 1792). Пока Франция – еще монархия. Но уже ползут слухи о возможном вторжении австрийских войск и о сговоре с ними короля.

1 октября 1791 года открылось Законодательное собрание, и уважаемые законодатели увлеченно обсуждают эти слухи. «Народ» невероятно волнуется. Никто не видел ни одного австрийского солдата, никаких сведений о «сговоре короля». Но «все же знают», как на самом деле обстоят дела!

20 июня 1791 года перепуганная королевская чета пытается бежать из Франции. Не повезло: на границе король высунулся из кареты, таможенник его узнал. Разумеется, «всем» стало окончательно ясно, что король виновен в подготовке войны.

С этого времени известно слово «санкюлот». Его неточно переводят словом «бесштанник» или «голоштанник». Санкюлоты, простонародье, носили длинные штаны-панталоны. Дворяне же носили короткие обтягивающие бриджи-кюлоты. Санкюлот – это который «без кюлот».

«Народные массы» Парижа требуют свержения короля. Учредительное собрание²⁷ не хочет. Оно даже приказывает (17 июля 1792) расстрелять демонстрацию и митинг на Марсовом поле, требовавших отрешения короля от власти.

Тогда Парижская коммуна начинает готовить восстание. 10 августа 1792 г. парижские секции образовали повстанческий центр. В него вошли по три представителя от каждой из 48 секций Парижа. Повстанческая коммуна, или Коммуна, 10 августа взяла власть в столице в свои руки.

В результате народного восстания в Париже 10 августа 1792 г. король Людовик XVI свергнут и заключен под стражу. Монархисты изгнаны из Законодательного собрания – и правда, нельзя же предоставлять право голоса таким чудовищным типам?! По всей Франции прокатывается волна бессудных убийств аристократов и всех, кто не нравится «революционерам». Число жертв и военных действий гражданской войны, и убитых называют разное, от 10 до 40 тысяч.

В числе погибших – и жертвы штурма королевского дворца Тюильри. Во время обороны дворца от революционеров отличились маркизы Дю Пон де Немур. Они – вовсе не коренные аристократы. Предками Дю Понов были парижские часовщики. «Тот самый» Дю Пон, Пьер-Самюэль, насмерть поссорился с отцом, не желая становиться часовщиком. Он стал предпринимателем и теоретиком: экономистом-либералом. Сторонник экономической теории физиократов, он полнейшим образом изложил их учение в работе «О возникновении и развитии новой науки», где пропагандировал низкие налоги и снятие таможенных барьеров.

Пьер-Самюэль и его сыновья, Виктор-Мари (1767–1827) и Элестер-Ирене (1771–1834), были сторонниками конституционной монархии. Пьер-Самюэль даже избирался в Учредительное собрание и, чтобы отличаться от депутатов-однофамильцев, принял вторую фамилию Немур по имени избравшей его коммуны. Маркиз Дю Пон де Немур.

10 августа отец и сыновья Дю Пон собственноручно защищали короля и его семью. По одной версии, отец был в Тюильри только с одним из сыновей, с Элестером-Ирене. По другой – с обоими, и три человека всю ночь сдерживали широкую лестницу от напора беснующейся толпы. «Строители светлого будущего» накатывались волна за волной, а маркизы методично били по толпе из пистолетов. Кончился порох – рубили и кололи шпагами, держа кинжалы в

²⁷ Или это было уже Законодательное? В одних источниках используют одно название, в других – другое. Видимо, историки сами уже путаются.

левой руке. Толпа лезла, махая железом, оскользалась на залитой кровью лестнице, получала железо в первое попавшееся место, катилась вниз, сшибаемая падалью сообщников, потом снова лезла, завывая, махая оружием. И так всю ночь. Под утро революционеры ворвались во дворец через другой вход. Маркизов спас знакомый садовник: дал им одежду переодеться, назвал своими помощниками и вывел наружу. А возле дворца смирно лежали рядком, навек задрали к небу оскаленные рыла, скрючили в трупном окоченении верхние лапы, посягнувшие на короля, 63 дохлых революционера. Именно эти создания не будут закапывать живыми детей и делать абажуры из человеческой кожи. Не они будут ср... в алтарях церквей и надевать регалии епископов на ослов.

К концу якобинского террора маркиза-отца осудили на смерть: «враг народа». По другим данным, осудили и его сыновей. Переворот 1794-го спас их от смерти на гильотине.

Во время очередного восстания 18 фрюктидора (4 сентября) 1797-го дом Дюпонов был осажден, чуть не захвачен толпой. Снова удалось отстреляться и отбиться, устлая падалью «строителей светлого будущего» булыжники узких, кривых парижских улиц. На этот раз маркизам хватило. Вся семья бежала в США. Маркизы Дю Пон де Немур стали американцами Дюпонами. Основатели колоссального концерна «Дюпон де Немур энд компани». Миллиардеры, откупившие пол-штата Делавэр. В этом разросшемся, до 2 тысяч членов, семействе до сих пор полагается хорошо знать французский и читать на языке подлинника дневники и письма своих предков.

Но вернемся в 1792 год, когда подвиг маркизов Дю Пон де Немур уже оказался ненужным, но ничто еще бесповоротно не решено.

На втором этапе революции (10 августа 1792 – 2 июня 1793) революционеры создали новый орган власти: Национальный Конвент. Депутатов в него избирали все мужчины, достигшие 21 года и не состоявшие в услужении. Таким образом, было ликвидировано деление граждан на «активных» и «пассивных». Раньше в Законодательном собрании главенствовали жирондисты, а в Парижской коммуне – якобинцы. Теперь те и другие боролись за счастье народа в Национальном Конвенте.

На первом публичном заседании, 21 сентября 1792-го, Конвент единодушно принял решение об упразднении королевской власти. 22 сентября провозгласил Францию республикой.

Разгорелись ожесточеннейшие споры о дальнейшей судьбе короля. Жирондисты звали к тому, что конституция 1791 г. гарантировала неприкосновенность его особы. Коммуна Парижа, секции, народные общества, клубы и коммуны провинциальных городов добивались предания Людовика XVI суду за измену. В Конвенте их требования поддержали монтаньяры. 15–16 января 1793-го в Конвенте состоялись голосования по трем вопросам: виновен ли Людовик в злоумышлениях против свободы нации и безопасности государства; нужна ли апелляция к народу по поводу вынесенного приговора; какого наказания заслуживает Людовик? Король был почти единогласно признан виновным; большинством голосов Конвент отверг апелляцию к народу; 387 голосами против 334 Людовик был приговорен к смертной казни. Действительно, чего там апеллировать к народу: «народ» уже заседает в Конвенте.

21 января 1793 г. Людовик XVI был гильотинирован.

Королеву Марию-Антуанетту перевели в тюрьму Консьержери. В маленькой сырой камере ее ни на минуту не оставляли одну, даже во время утреннего и вечернего туалета. У нее отобрали все вещи, в том числе маленькие золотые часики – ее талисман.

Конвент и Комитет общественного спасения использовали членов королевской семьи как разменную карту: отдадим в Австрию, если прекратите движение своих войск! Ведь Мария-Антуанетта Габсбургско-Лотарингская была младшей дочерью эрцгерцога Австрии Франца I и родной сестрой правящего эрцгерцога Леопольда II. Но конечно же, «народ» очень беспоко-

ился по поводу жизни такой страшной женщины. Под давлением мнения «народа» 16 октября 1793 года суд вынес королеве смертный приговор.

В день казни Мария-Антуанетта поднялась очень рано, часов не было, так что она не могла следить за временем. С помощью служанки королева надела белое платье. Охрана следила за каждым ее шагом, и, наконец, осужденная воскликнула: «Во имя Господа и приличия, прошу вас, оставьте меня хотя бы на минуту!» Не оставили.

Гильотина находилась неподалеку от дворца Тюильри, на площади Революции. По пути к месту казни толпа выла и улюлюкала, швыряла гнилыми фруктами и кашками. Когда Марию-Антуанетту подвели к плахе, она неосторожно наступила на ногу палачу. «Простите меня, мсье, я не нарочно». Это были последние слова французской королевы.

Глава 3. Как якобинцы боролись за счастье народа

*Железной рукой загоним человечество в счастье!
Плакат, висевший в Соловецком лагере особого назначения*

Третий этап Французской революции (2 июня 1793 – 27/28 июля 1794) марксистские историки называют «высшим этапом» или «революционно-демократической якобинской диктатурой».

Якобинской она была. Организовали ее члены политического клуба, находившегося в доминиканском монастыре Святого Якова. В число якобинцев входили прежде всего члены революционного Якобинского клуба в Париже, а также члены провинциальных клубов, тесно связанных с основным клубом.

Вот как диктатура может быть демократической, не постигаю. Скорее уж диктатура была утопической.

Все шло, как всегда, во всех революциях. Сначала крушение «старого режима». Все в восторге, все произносят длинные прочувствованные речи, все ожидают немедленного наступления царства справедливости и разума, благодати и некоего высшего порядка. За счет чего все это должно наступить, никто объяснить не может, но все ждут.

Вскоре страна лежит в руинах, экономика в полном коллапсе, наступает полный хаос. Власть как таковая фактически исчезает. В стране властвуют вооруженные отряды, от армии до обычных разбойников.

Власть валяется под ногами, и ее подбирает самая радикальная из революционных организаций. В России вторая стадия революции продолжалась с мая по ноябрь 1917 г. У французов растянулась на больший срок – с 1789 по 1793 г.

Если радикальных организаций несколько, при переходе к третьей стадии они враждуют между собой. Так враждовали и воевали анархисты, левые эсеры и коммунисты в Российской империи. Так воевали во Франции якобинцы, «бешеные», кордельеры, «Социальный кружок» Марата, приверженцы газеты «Друг народа»...

К лету 1793 года правительство Франции контролировало только треть территории страны. Нехватка продуктов стала нормой. Власть поддерживал все меньший процент населения.

2 июня 1793 г. 80 тысяч национальных гвардейцев и вооруженных граждан окружили здание Конвента, направили на него даже пушки. Конвент принял декрет об исключении из своего состава 29 депутатов-жирондистов. Якобинцы остались одни!

Если якобинцам можно, почему «бешеным» нельзя? «Бешеные» поднимают новое восстание в Париже 4–5 сентября. Они требуют введения «максимума»: то есть установления максимальной цены продуктов. Цены-то растут и растут. Разгромив восстание и перестреляв-пересажав «бешеных», якобинцы взяли многие их лозунги. 29 сентября они ввели максимум.

24 июня якобинский Конвент принял первую демократическую конституцию (1793 года). Эта конституция никогда не была введена в действие и осталась только на бумаге. «Обстоятельства» были таковы, что пришлось введение конституции «отсрочить».

Реальной полнотой власти обладали Конвент, Комитет общественного спасения и Комитет общественной безопасности. Они опирались на организованные по всей стране революционные комитеты.

Аграрным законодательством (июнь – июль 1793 г.) якобинский Конвент передал крестьянам общинные и эмигрантские земли для раздела и полностью уничтожил все феодальные

права и привилегии. Ленин был в восторге от этих мер: «действительно революционная расправа с отжившим феодализмом...»²⁸.

Разумеется, справиться с голодом путем борьбы с феодализмом пока что никому не удалось. Якобинцы установили «максимум»: нельзя было повышать стоимость продуктов выше установленного. Нельзя было, правда, еще и платить выше установленной зарплаты.

Подвоз продуктов в города окончательно остановился: их не было смысла везти. Если продукты и появлялись, то по астрономическим ценам. Якобинцы стали выставлять заградительные отряды, чтобы не пропускать в города спекулянтов. Если они ловили торговцев, то сразу же убивали (интересно, а куда они девали то, что было с торговцами? Неужели сами съедали, феодализм их побери?! Ах, негодные нарушители идеалов!).

В Ла-Рошели, Нанте, Бордо, Лионе отряды вооруженных людей прочесывали город, чтобы выловить торговцев. Обычно на рынок выходили крестьянки или мещанки-перекупщицы, обычно вместе с детьми. Этих женщин вместе с их ребятишками, иногда с несколькими сразу, убивали самыми разнообразными способами. Чаще всего их связывали попарно, привязывали к ним детей и топили. Если мужья этих торговок и отцы детей брались за оружие, их поступки, конечно, объяснялись исключительно отсталостью и непониманием, как невыразимо прекрасна революция.

Становилось ли в городах больше хлеба? Сомнительно.

Специальные отряды грабили крестьян, но в те времена средства транспорта позволяли делать набеги только на ближайшие окрестности городов. Захватывали, ценой голодной смерти сельского населения, каплю в море.

Время якобинской диктатуры – период быстрого снижения и так невысокого уровня жизни народа.

Фруктозы из нивоза

Еще одной мерой, необходимой для счастья народа, оказался новый календарь. Французский республиканский (революционный) календарь был введен во Франции в ходе Великой французской революции декретом Национального Конвента от 1 вандемеера II года (5 октября 1793), и отменен только Наполеоном с 1 января 1806 г. Календарь был разработан специальной комиссией под руководством Жильбера Рома. Он знаменовал разрыв с традициями, дехристианизацию и введение «естественной религии», которой почему-то считался культ разума.

На Марсовом поле в Париже поставили алтарь Отечества, где 8 июня 1794 г. отмечался праздник Верховного существа: этот культ провозгласили, официально упразднив католицизм. Поклонялись Разуму в виде Богини Разума – красивой девицы в белой полупрозрачной рубашке. Девицу спускали на канате, и она венчала лаврами самых достойных якобинцев.

Католичество не запрещалось, но сделалось таким нелояльным.

Одним из следствий казни короля и объявления культа Высшего существа стала волна вандализма, хулиганства, бессмысленного разрушения. Наверное, это очень неправильная, «отсталая» логика: «если Бога нет, какой же я генерал?!». Но множество людей жили и сегодня живут по такой логике. Если святынь нет и если они объявлены ложными, они теряют ориентиры и просто не знают, что им делать и каких берегов держаться. Первыми, кстати, становятся сами «идейные» революционеры, которым «культ разума» позволяет отказаться от «химеры морали» и «предрасудков простого народа»: благодаря чему они довольно быстро погибают от полового разврата, наркотиков и обычного простонародного пьянства.

А всякий крутой поворот всегда сопровождается буйством разнузданной черни и актами бессмысленного разрушения. В современной Франции часто сравнивают Французскую рево-

²⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., 5-е изд., т. 34, с. 195.

люцию 1789–1794 и Русскую 1917–1922 годов: конечно же, в пользу Французской. При этом охотно приводят примеры разрушений, насилий, совершенных преступлений, в том числе осквернений церквей. Но в действительности во Франции было не лучше, если не хуже. По стране прокатился вал иррациональной жестокости и вандализма. Власть же положительно относилась к избиениям духовных лиц и к осквернению храмов, как к «революционным деяниям». Все, как и у нас, это точно.

Уже 1789 год называли «началом эры Свободы». Теперь 1792-й был объявлен началом эры Свободы, Равенства и Братства. Эра «от рождества Христова» и начало года с 1 января упразднились. Отсчет лет начинался с 22 сентября 1792-го, даты уничтожения королевской власти и провозглашения республики. Последующие годы начинались в полночь того дня, на который приходился момент осеннего равноденствия (по среднему парижскому).

Названия месяцев и дней года были предложены депутатом Конвента Фабром д'Эглантин. Они сконструированы из французских, латинских и греческих корней (например, «фрюктидор» – «дарящий плоды», от лат. fructus «плод» и греч. doron «дар», «прериаль» – «месяц лугов», от фр. prairie «луг»). Названия 360 дней (кроме санкюлотид) носили имена явлений природы, растений, животных, например, фр. Vache «корова», фр. Rhubarbe «ревень», фр. Carotte «морковка».

Названия дней были аналогичны прежним именам святых в святцах; в частности, родителям иногда рекомендовалось называть детей, родившихся в эти дни, Ваш (Коровой) или Каротт (Морковкой). Этим рекомендациям следовали редко, но все же находились и любители.

Названия же месяцев были такие:

Осень

вандемьер (фр. Vendemiaire) (22 сентября – 21 октября) – месяц сбора винограда

брюмер (фр. Brumaire) (22 октября – 20 ноября) – месяц туманов

фример (фр. Frimaire) (21 ноября – 20 декабря) – месяц заморозков

Зима

нивоз (фр. Nivose) (21 декабря – 19 января) – месяц снега

плювиоз (фр. Pluviose) (20 января – 18 февраля) – месяц дождя

вантоз (фр. Ventose) (19 февраля – 20 марта) – месяц ветра

Весна

жерминаль (фр. Germinal) (21 марта – 19 апреля) – месяц прорастания

флореаль (фр. Floreal) (20 апреля – 19 мая) – месяц цветения

прериаль (фр. Prairial) (20 мая – 18 июня) – месяц лугов

Лето

мессидор (фр. Messidor) (19 июня – 18 июля) – месяц жатвы

термидор (фр. Thermidor) (19 июля – 17 августа) – месяц жары

фрюктидор (фр. Fructidor) (18 августа – 16 сентября) – месяц плодов

Республиканский календарь был восстановлен во время Парижской коммуны и действовал с 18 марта по 28 мая 1871 г. После этого на территории Парижа опять был введен григорианский календарь.

Враги народа

В 1789 году лидеры Французской революции придумали новый термин: *ennemi du peuple* – враг народа.

Закон от 22 пририала II года (10 июня 1794 года), принятый Конвентом, определял врагов народа как личностей, стремящихся уничтожить общественную свободу силой или хитростью. Врагами народа были сторонники возврата королевской власти, вредители, препятствующие снабжению Парижа продовольствием, укрывающие заговорщиков и аристократов, преследователи и клеветники на патриотов, злоупотребляющие законами революции, обманщики народа, способствующие упадку революционного духа, распространители ложных известий с целью вызвать смуту, направляющие народ на ложный путь, мешающие его просвещению.

По этому закону враги народа наказывались смертной казнью. Революционный трибунал якобинцев в одном Париже ежедневно выносил по 50 смертных приговоров.

Удостоверение о цивизме (гражданской благонадежности) выдавалось революционными комитетами коммун и секций. Такое удостоверение должен был иметь каждый гражданин согласно Декрету от 17 сентября 1793 г. Те, кому революционные комитеты отказывали в выдаче удостоверения о цивизме, объявлялись «подозрительными» и подлежали аресту.

Враги народа арестовывались по анонимным доносам, судебная процедура была упрощена: не было ни защитника, ни прений сторон. Процесс занимал не более часа, остальное становилось делом техники.

Система террора не просто помогала удерживаться у власти. Она помогала все время держать все общество в напряжении. Обязанностью гражданина стало быть «беспокойным», все время радеть за общественные интересы и находиться в напряжении по любым поводам. Тот, кто не был все время напряжен и подозрителен, не выискивал врагов народа и не искал опасностей существующему строю извне и внутри государства, сразу же сам вызывал подозрение. По гениальной формуле Шамбарова, террор заставлял проявлять энтузиазм и проникаться «прогрессивной» революционной идеологией. Проникаться под угрозой смерти. Уверуй или уничтожим²⁹!

Кроме того, террор позволял не замечать ничтожности реальных дел якобинцев и явного вреда многих их мер. Ведь малейшее сомнение в пользе работы правительства для «народа» сразу делало человека «подозрительным».

Заключение в тюрьму само по себе могло стоить жизни. Как-то в Нанте пересажали городских чиновников. Спустя два месяца выпустили, но из 127 человек 39 умерли с голоду. Заключение и не должен был долго жить, его путь и должен был как можно быстрее закончиться на гильотине.

Народ вовсе не был для якобинцев собранием реальных людей. Это было умозрительное понятие, воплощение их кабинетных теорий. Реальные люди не представляли для них существенной ценности.

Мало известный факт: в Париже действовали мастерские, в которых из кожи татуированных казненных изготавливались абажуры и другие красивые вещицы. Волосы казненных женщин использовались для изготовления париков. Сначала волосы сбрасывали с голов, потом, видимо для удобства, стали сбрасывать с голов приговоренных перед казнью. Палач сам продавал волосы в мастерские³⁰.

²⁹ Шамбаров В.Е. Государство и революция. – М., 2001.

³⁰ Лебедев С.В. Русские идеи и русское дело: национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем. – СПб, 2007.

«Прогрессивные люди» обожают рассказывать о том, что страшные немецкие нацисты только и делали, что вываривали мыло из всех пойманных ими евреев, набивали матрацы женскими волосами и понаделали абажуров из заключенных своих концлагерей. Сложность в том, что до сих пор не представлено ни одного матраца с человеческими волосами. В Бухенвальде, превращенном в музей, были выставлены абажуры из человеческой кожи и человеческие сердца жертв медицинских экспериментов. Но в 1989 году, после падения ГДР, эти экспонаты изучили, и выяснилось – и кожа на абажурах свиная, и сердца тоже свиные³¹. Какие-то странные это все экспонаты. Что до мыла... До сих пор не существует методики варения мыла из человеческого жира.

А вот преступления «прогрессивных» людей, «борцов за светлое будущее» и «героических коммунаров» – доказуемы. И не только сами преступления, но нечеловеческое отношение ко всем, кто не разделял их идеологию. Фактически – ко всему человечеству.

Сент-Жюст призывал «карать не только врагов, но и равнодушных, всех, кто «пассивен к республике и ничего не делает для нее». «Друг народа» (по названию издававшейся им газеты) Ж.П. Марат призывал обезглавить 100 тысяч врагов народа. Ж.Ж. Дантон считал, что во Франции можно оставить и 5 млн человек из 28, а М. Робеспьер настаивал на 12 млн казней.

Посеявшие гром пожали бурю: Сент-Жюста, Робеспьера и Дантона (как английского шпиона) обезглавили на гильотине. Марата в ванне зарезала Шарлотта Корде.

По этому поводу и сказано, что «Революции имеют свойство пожирать своих создателей» (автора этого тезиса я не выявил). Жалеть ли об этом свойстве революций?

Точно так же и большевики не считали полноценными человеческими существами всех «не своих». Якобинцы были для них дорогими соратниками и предшественниками, которые «показали как надо». Ленин в 1917 году писал: «Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших подъемов угнетенного класса в борьбе за освобождение. Якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции».

Большевики тоже поставили смерть на поток. Вместо гильотины у них был расстрельный подвал, но велика ли разница?

Они тоже применяли самые чудовищные способы умерщвления людей.

Главный палач Харьковской ЧК, некий Саенко, практиковал снятие кожи «перчаткой» с кистей рук. Для этого жертве обваривали руки крутым кипятком, потом ледяной водой. Ну, и снимали кожу «чулком», вместе с ногтями. Еще любил Саенко втискивать жертве на сантиметр пашку в тело и поворачивать несколько раз.

В Одесской ЧК на допросах применялись плети, подвешивание, щипцы. Офицеров разрывали пополам колесами лебедок, поджаривали в печах, хоронили вместе с полу-разложившимися трупами. Хищникам в Одесском зоопарке скармливали еще живых людей.

В Полтаве чекистка Роза и уголовник Гришка-Проститутка (это кличка у него такая) любили сжигать живьем. Священников и монахов он обычно сажал на кол. Гришка-Проститутка ставил для себя кресло и сидя наслаждался зрелищем.

При паническом бегстве из Киева большевики просто не успели последовать инструкции, чтобы трупы «не попадали в неподобающие руки».

В Киеве найдено было больше 12 000 голых мужских, женских и детских трупов со следами самых чудовищных пыток. Тут практиковались различнейшие способы умерщвления: разрубание на куски, четвертование, проламывание голов дубиной и пробивание черепа молотком, вбивание кола в грудную клетку и вспарывание животов, умерщвление штыками или вилами с прокалыванием шеи, живота или груди. Некоторых закапывали заживо, причем одна из женщин была связана со своей восьмилетней дочерью. По-видимому, чекисты экспериментировали.

³¹ Агафонов А.М. (Глянцев). Записки бойца Армии теней. – СПб., 1998.

Одно из мест экзекуций выглядело так: «Весь цементный пол большого гаража был залит уже не бежавшей вследствие жары, а стоявшей на несколько дюймов кровью, смешанной в ужасающую массу с мозгом, черепными костями, ключьями волос и другими человеческими остатками. Все стены были забрызганы кровью, на них рядом с тысячами дыр от пуль налипли частицы мозга и куски головной кожи. Из середины гаража в соседнее помещение, где был подземный сток, вел желоб в четверть метра ширины и глубины и приблизительно в десять метров длины. Этот желоб был на всем протяжении доверху наполнен кровью»³².

Большевики тоже последовательно планировали уничтожить кто 10 %, кто и 50 % населения Российской империи.

18 сентября 1918 года Г. Зиновьев на Петроградской партконференции сказал: «Мы должны повести за собой девяносто из ста миллионов человек, составляющих население Советской Республики. Остальным нам нечего сказать. Их нужно ликвидировать».

Цифры, конечно, примерные, но подход вообще интересен: замыслено истребить 10 % жителей России, несколько миллионов человек.

Точно так же, как якобинцев, большевиков частично истребили они же сами. Убили Свердлова, многих повстанцев типа Щорса, Кравченко или Щетинкина.

Но что самое главное – якобинцев во Франции окончательно искоренил Наполеон. На словах он отстаивал идею, что прошлое должно быть забыто, никого не надо преследовать за преступления, совершенные во время революции. Но при первой же возможности он сослал как можно больше бывших якобинцев в Каейнну, во Французскую Гвиану в северо-восточной части Южной Америки. Оттуда мало кто возвращался. И вообще к якобинцам и всем «идейным» революционерам Наполеон относился намного строже, чем к аристократам, роялистам и даже к беспринципным честолюбцам.

Так же точно и в России большевиков истребил Сталин, потому и ненавидимый всеми «революционными элементами». При Сталине «врагами народа» стали почти все «пламенные ленинцы», раздувавшие в России кошмар революции и Гражданской войны, чекисты, русофобы, «красные комиссары» и прочая нечисть. Совершенно тот же очистительный подход.

В России последним «врагом народа» оказался Л.П. Берия. 23 декабря 1953 года он был приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР к расстрелу как враг народа» и английский шпион (как Дантон). А убит, судя по всему, еще до этого³³.

Позже термином «враг народа» пользовались в Китае, и, конечно же, во всех левацких марксистских группах, от Сальвадора Альенде до Сендеро Луминосо.

Изобретение доброго доктора Гильотэна

Человек самой гуманной в мире профессии, добрый доктор Гильотэн родился в 1738 году и стал членом Учредительного собрания в 1789 году. Этого достойного революционера очень волновало, что людей разных сословий казнят разными способами и что казнь через отрубание головы – привилегия аристократии. Он очень хотел уравнивать сословия в способах предания смерти.

Революционеры долго спорили о предложении доброго доктора. Для начала уравнивали сословия и ввели в Уголовный кодекс требования всем отрубать голову. Но мечом это делать, оказывается, неудобно. Передовые люди действовали, как подобает сынам Просвещения: создали комиссию под руководством другого доктора, Антуана Луи. Тот поддержал коллегу: надо рубить головы специальной машинкой!

³² Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. London: Overseas publications interchange Ltd, 1992. с. 125.

³³ Берия С.Л. Мой отец – Лаврентий Берия. – М., 1994.

После ряда удачных опытов на трупах, а потом и на живых, в апреле 1792 года на Гревской площади произвели первую публичную казнь новой машиной. Назвали ее по именам обоих «айболитов» – «луизеттой» или «малышкой Луизеттой» в честь Луи или гильотиной в честь Гильотэна.

Тяжелый косой нож весом до 100 кг поднимали вдоль вертикальных направляющих на высоту 2–3 метра и удерживали веревкой. Голову убиваемого «врага народа» помещали в специальное углубление у основания механизма, закрепляли сверху деревянной планкой с выемкой. Палач отпускал веревку, веревка переставала удерживать нож, и он падал на шею жертвы с большой силой.

Среди легенд есть и такая, что сам Гильотэн был казнен на собственном изобретении. К сожалению, здесь только мифология. Эта сволочь сдохла своей смертью в 1814 году.

Развал страны

Естественно, далеко не всем французам нравилась «дехристианизация», фруктитозы и нивозы, дамы в ночных рубашках, спускаемые на алтарь Высшего Существа в роли «Богинь Разума», непрерывная работа гильотины и всеобщий контроль всех за всеми, голод и нехватки всего на свете, соревнование в «революционности» и прочие чудеса революции.

С июня 1793 года на всем юге и юго-западе Франции шли сплошные мятежи – под руководством ироялистов, но чаще членов партии жирондистов.

Уже летом 1792 года восстали Нормандия и Вандея. Тогда восстания удалось подавить. Принудительный набор в армию 1793 года стал новым толчком к восстаниям. В марте 1793-го в городке Шоле молодежь прикончила командира местной национальной гвардии. Через неделю «истинные патриоты» в Машекуле попытались взять рекрутов. Стихийное восстание стремительно становилось все более организованным. Повстанцы под руководством рабочих – каретника Кателино и лесничего Стоффле – разбили целую республиканскую армию.

Конвент в тот же день издал декрет, карававший смертью ношение оружия или белой кокарды – символа королевской Франции. В ответ восставшие до конца оформили свою Католическую королевскую армию, которую возглавили и выходцы из народа, и профессиональные военные из дворян: Шаретт, Ларошжаклен и другие. Реально это было аморфное объединение разрозненных полупартизанских, полурегулярных отрядов. Католическая армия состояла на две трети из крестьян; она сильно редела, когда наступала пора сельских работ. Настоящее оружие приходилось добывать в боях. Лозунг: «За короля и веру». Символ: белая кокарда или белая нарукавная повязка.

В мае вандейский штаб, объединивший командиров и вожakov разных отрядов, создал свое правительство: Высший совет. Он управлял «завоеванной страной» во имя «законного монарха» Людовика XVII, сына казненного короля (который находился в заточении).

В июне 1793-го войска вандейцев заняли город Сомюр, открыв себе дорогу на Париж. Жаль, что они не решились пойти на столицу: гражданские войны мало предсказуемы, шанс был. Но повстанцы повернули на запад, вошли в Анжер, полностью брошенный властями и лишенный войск. Они осадили Нант, надеясь на помощь Британии. Они даже ворвались в город и завязали в нем уличные бои, но сил не хватило. На залитых кровью улицах Нанта преклась жизнь достойного сына Франции, каретника Кателино: его выбрали «генералиссимусом короля», он прикрывал отступление своих.

Конвент послал армию Клебера и Марсо. Ее наголову разбили 19 сентября. Конвент бросил новые армии. В середине октября у Шоле, в самом сердце восстания, отряды вандейцев потерпели сокрушительное поражение.

Армия во главе с новым генералиссимусом, дворянином Ларошжакленом, стремительно отступила к Луаре. Британия обещала помощь, корабли для эвакуации. За армией в 30–40

тысяч солдат шла армия беженцев до 80 тысяч человек. Колонны растянулись на многие километры, по дороге грабя города и деревни в поисках хоть какой-нибудь пищи. Британцы обманули, флот не пришел. Голод, болезни и осенние заморозки несли смерть ослабевшим крестьянам. Пошли обратно, устлая многострадальную, когда-то прекрасную землю крестами собственных скелетов.

В декабре «строители светлого будущего» и лучшие друзья народа настигли вандейцев. Даже на революционную сволочь производили впечатление матери, которые убивали маленьких детей и сами шли в бой: живые скелеты с косами и вилами в руках против вооруженных ружьями мужчин. Остатки Католической королевской армии погибли под Рождество, когда отступали вдоль Луары. Не пошедшие в Нормандию отряды Шаретта и Стоффле воевали еще довольно долго, но «большая война» в Вандее практически закончилась: воевать стало некому.

Еще 1 августа 1993 года Конвент издал Декрет, согласно которому «Вандея должна стать национальным кладбищем». Реализуя декрет, командующий Западной армией генерал Тюрро разделил свои войска на две армии, по двенадцать колонн в каждой, которые должны были двигаться навстречу друг другу с запада и с востока. Их официально называли «адские колонны».

С января до мая 1794 года в Вандее активно строилось светлое будущее, торжествовал Разум, давилась Гадина, изничтожались «враги народа» и подавлялась контрреволюция. Во имя идеалов Революции войска прочесывали местность, чтобы никто, спаси Кислород, не спасся. Они жгли дома и посеи, грабили, насиловали, убивали. Особенно чудовищным была расправа в Нанте, руками члена Конвента Каррье. Около десяти тысяч человек, многие из которых никогда не держали оружия в руках, а просто сочувствовали повстанцам, были казнены. Повезло тем, кто попал на гильотину. В основном людей топили в Луаре, затопляя в баржах и лодках.

С супругов срывали одежду и топили попарно. Беременных женщин обнаженными связывали лицом к лицу с дряхлыми стариками, священников – с юными девушками. Каррье называл такие казни «республиканскими свадьбами». Он любил наблюдать за ними со своего суденышка. Плавал на нем по Луаре, пил вино со своими подручными и совокуплялся с куртизанками. Особое бешенство у него вызывала недоступность местных женщин: убежденные католички, они скорее умирали, чем отдавались прогрессивным людям, постигшим нелепость феодальных пут морали.

Еще якобинцы развлекались, надевая на ослов тиару пап римских и привязывая к их хвостам Библию.

Якобинцы никогда и не пытались замирииться с Вандеей. Только после переворота в июле 1794-го начались поиски хоть какого-то компромисса. В начале 1795 года Стоффле, Сапино и ряд других лидеров уцелевших вандейских отрядов подписали с «представителями народа» мирный договор в Ла Жонэ: Вандея признала республику, республика же, в свою очередь, обещала освободить на десять лет непокорные департаменты от рекрутского набора и налогов, приостановить преследование неприсягнувших священников.

Но тут высадился десант эмигрантов-роялистов в Кибероне! Вандея тут же снова восстала. Республика послала в Вандею нового палача, генерала Гоша. Весной 1796 года восстание окончательно захлебнулось в крови. По подсчетам современного французского историка, в результате гражданской войны департамент Вандея потерял более 117 тыс. человек, или около 15 % населения³⁴. Стоффле и Шаретт тоже были казнены. Мертвая страна стала частью Республики. Да здравствует Революция!

³⁴ SecherR. Le genocide franco-francais: La Vendee-Venge. P., 1986. Partie IV. Ch. 1.

Конец

Коммунисты объясняют падение якобинцев тем, что плебейские элементы города и сельская беднота хотели углубления революции. А большая часть буржуазии и зажиточное крестьянство не желали далее мириться с ограничительным режимом и плебейскими методами якобинской диктатуры, переходили на позиции контрреволюции.

К тому же якобинцы оттолкнули от себя зажиточное и среднее крестьянство, недовольное политикой реквизиций.

Объяснить можно и проще: далеко не все хотели разрыва с культурной традицией и жизни в утопии.

Якобинцы правили, создавая напряжения и гоня народ в никуда под все более безумными лозунгами, все глубже в утопию. Долго это не могло продолжаться. Если не было внешней силы, возникла внутренняя. Если о буржуазии, то самыми богатыми были буржуа, нажившиеся на спекуляциях военного времени. Эти порожденные революцией нувориши больше всех хотели завершить революцию.

Уже с начала 1794-го в рядах якобинского блока развернулась внутренняя борьба. Руководившая революционным правительством группировка робеспьеристов в марте – апреле поочередно разгромила левых якобинцев и дантонистов – новых буржуа.

Летом 1794-го возник новый заговор против возглавлявшегося Робеспьером революционного правительства. Возглавившие заговор Ж. Фуше, Ж.Л. Тальен, П. Баррас объединили осколки дантонистов, заручились поддержкой «болота», установили связи с жирондистами и левыми. В общем – все против Робеспьера.

9 термидора на заседании Конвента заговорщики сорвали выступление Сен-Жюста, пытавшегося разоблачить готовившийся контрреволюционный переворот, и провели решение об аресте руководителей революционного правительства.

Робеспьеристы воззвали к «народу», к Парижской коммуне. Восставшие отбили Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона. Они засели в здании ратуши, под защитой расхристанной вольницы.

Но термидорианцы имели большинство в конвенте. Конвент энергично организовывал свои силы, разослав агитаторов и созывая на помощь секции, особенно буржуазные; со стороны Конвента командующим Национальной гвардии был назначен Поль Баррас, получивший чрезвычайные полномочия. Конвент объявил всех участников восстания вне закона. Известие об этом вызвало панику среди сторонников Робеспьера. Никто не хотел оказаться «врагом народа». Площадь пред Ратушей быстро опустела.

Около 2 часов 10 термидора жандармы и национальные гвардейцы ворвались в Ратушу. Там Робеспьер занимался любимым делом: подписывал очередное воззвание против «врагов революции». По одним данным, Робеспьер пытался застрелиться, по другим, в него выстрелил из пистолета жандарм Меда и ранил Робеспьера в челюсть. Его брат Огюстен Робеспьер выбросился из окна, но остался жив. Кто застрелился, кто прыгал из окон, кто сдался. Все арестованные (22 человека) были доставлены в Комитет общественной безопасности.

Они уже были объявлены вне закона, суд оказался ненужным. На следующий вечер Робеспьер и его сторонники были гильотинированы на Гревской площади после простого установления личности. Толпа при этом кричала: «Смерть тирану!» 11 термидора были казнены еще 71 человек. Режим якобинской диктатуры пал³⁵.

Тут же отменили максимум, перестали выдавать удостоверения о лояльности, почти прекратились казни.

³⁵ Кареев Н. И. Роль Парижских секций в перевороте 9 термидора, – Пг., 1914.

Директория как директория

Исполнительная директория, своего рода коллективный президент, правила 27 октября 1795 – 9 ноября 1799 г. Директория ввела свою «Конституцию III года Республики» (1795).

Члену Директории должно было быть не менее 40 лет от роду; каждый год один из членов выходил по жребию и заменялся новым по выбору; Директория могла решать дела только при наличии по крайней мере 3 членов; в Директории председательствовал каждый член по очереди, в течение трех месяцев.

Несколько раз происходили перевороты, устранявшие одних и ставившие у власти других членов Директории.

18 фруктидора (4 сентября) V года Свободы, Равенства и Братства (1797), 30 прериала VII г. (18 июня 1799 г.). Всего за 4 года в составе Директории перебивало 13 человек. Единственным постоянным членом Директории был Поль Баррас (30 июня 1755 – 29 января 1829) – фактический правитель (глава Национальной гвардии) Франции в 1795–1799 гг.

Дворянин Баррас в 1792 году избран в Конвент. Голосовал за смертную казнь короля Людовика XVI. Примкнул к якобинцам.

В качестве комиссара Конвента участвовал в подавлении роялистского мятежа в Тулоне (1793). Подавил и мятеж роялистов 1795 года³⁶.

После переворота Наполеона Бонапарта 18 брюмера (9-10 ноября 1799) отстранен от участия в политической жизни. Барраса отослали из Парижа сначала в его замок Гробуа, потом в Бельгию, оттуда в Прованс, а в 1810 году ему было окончательно запрещено жить во Франции. Вынужденный поселиться в Риме, он оставался там вплоть до первого отречения Наполеона в 1814 году.

Революция пожирает своих детей? Тогда тиран Наполеон все же добрее революции: он не убил Барраса, а только отстранил его от власти.

³⁶ Бовыкин Д. Ю. 1795 год: несостоявшаяся реставрация // Французский ежегодник, 2003. – М., 2003.

Глава 4. Революционные войны

*В ранце каждого солдата лежит жезл маршала.
Н. Бонапарт*

Кто кому был опасен?

Коммунисты полагали, что «революционная Франция оборонялась от реакционно-монархической Европы»³⁷. Странная форма обороны, учитывая: якобинцы откровенно хотели революции во всех странах Европы и установления везде похожих якобинских режимов.

В 1792 г. Австрия и Пруссия подписали Пильницкую конвенцию, по которой оба государства обязались оказать военную помощь французскому королю. Но никаких военных действий не предприняли: при том, что оснований беспокоиться у них было очень немало.

В Венгрии весной 1794-го были основаны два тайных общества – «Общество реформаторов» и «Общество свободы и равенства». Они так и назывались: «общества венгерских якобинцев». Только в 1795 году руководители венгерских якобинцев попали в руки австрийской полиции. Что характерно: только 18 человек из 200 арестованных были приговорены к смертной казни. Из них только 7 признаны «неисправимыми» и казнены. На месте австрийского правительства якобинцы казнили бы всех.

В России до сих пор уважительно отзываются о лютом враге Российской империи, Тадеуше Костюшко. Не все знают, что в конце 1792 года Костюшко в Париже от имени патриотов Речи Посполитой вел с французским революционным правительством безуспешные переговоры о совместных действиях против Австрии, Пруссии и России.

Еще менее известно, что после провозглашения в Кракове Акта восстания и провозглашения Костюшко «начальником восстания» ему была предоставлена диктаторская полнота гражданской и военной власти в стране.

24 марта – обыкновенно и считается днем начала восстания. 24 марта Тадеуш обратился к населению, выпустив четыре патриотических воззвания: «К войску», «К гражданам», «К священникам», «К женщинам». Очень красиво и патриотично.

«Я не буду воевать за одну шляхту», – говорил Костюшко. 7 мая Костюшко издал Поланецкий универсал, в котором крестьянам обещалось личное освобождение и уменьшение повинностей. Очень демократично.

Вот только не знают у нас, что этот патриотизм и демократизм обеспечивала... гильотина. Стояла она на площади Рынок в Кракове. Отрубили голов не так и много, около сотни. Всего-то! Только почему-то и об этом «пустячке» ни у нас, ни в Польше не пишут. Видимо, не хотят «бросить тень» на образ великого поляка, личного друга Пушкина.

После того как Костюшко 10 октября в бою под Мацевевицами потерпел поражение, был ранен и взят в плен русскими войсками, он, по одним сведениям, заключен в Петропавловскую крепость. По другим сведениям, он жил в Петербурге в бывшем дворце князя Орлова и пользовался полной свободой. Даже если сидел в крепости, его лечили, и он вышел из крепости здоровым. Это в тюрьмах Конвента умирали от голода.

Стоит ли удивляться, что Екатерина II издала указ о расторжении торгового договора с Францией, запрещении впускать в русские порты французские суда и в Россию – французских граждан?

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., 5-е изд., т. 34, с. 196.

Кто хотел войны?

В феврале 1792 г. Австрия и Пруссия заключили против Франции военный союз. Но великие империи не торопились начинать наступление. Все, что они сделали, это придвинули свои войска к границам Франции и ожидали. Облегчали бегство белым, блокировали источник международного терроризма. И только.

В самой Франции же только фейяны выступали против войны, опасаясь связанных с нею внутренних потрясений. Даже королевский двор добивался объявления войны, надеясь подавить революцию с помощью интервентов.

Революционная Франция ХОТЕЛА войны, чтобы нести свои идеи в остальную Европу. Президент Конвента Грегуар высказывался с полной ясностью: «...все правительства нам враждебны, все народы – наши друзья и союзники; мы погибнем, или все нации будут свободны». Так же откровенно говорил разве что Лев Троцкий: 1 февраля 1918 года на переговорах в Брест-Литовске он заявил: «Мы больше не желаем принимать участие в этой чисто империалистической войне, где притязания имущих классов явно оплачиваются человеческой кровью. В ожидании того, мы надеемся, близкого часа, когда угнетенные трудящиеся классы всех стран возьмут в свои руки власть, подобно трудящемуся классу России, мы выводим нашу армию и наш народ из войны. Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий».

М. Робеспьер и его сторонники противились объявлению войны, призывая сосредоточить все силы на борьбе с внутренней контрреволюцией. Все остальные активно пропагандировали идею революционной войны с тиранами Европы. Верх одержали сторонники войны, 11 июля 1792 г. Законодательное собрание объявило: «Отечество в опасности». 20 апреля 1792 г. Франция объявила войну Австрии.

Уже к воюющей Австрийской империи присоединились Пруссия и Сардинское королевство, а в 1793-м – Великобритания, Нидерланды, Испания, Неаполитанское королевство, германские государства.

Летом 1792 г. союзные войска (в общем – до 250 т.) стали сосредотачиваться на границах Франции. Войска эти находились в лучшем состоянии, чем революционные. Но это были типичные феодальные армии, руководимые высшей аристократией, с кастовым офицерством, стеной отделенным от солдат, с устаревшей тактикой ведения боевых действий.

К тому же не было единства: энергичные пруссаки рвались в бой, австрийцы были очень медлительны и крайне осторожны.

Французская армия – революционный развал

В начале 1792 года Франция располагала 125-тысячной армией. Армия находилась в сильнейшем расстройстве. Из-за воровства, процветавшего среди поставщиков, войска снабжались крайне скверно, постоянно терпели лишения всякого рода. Материальная часть военного устройства была в плачевном состоянии.

В линейных войсках сохранилась дисциплина, но эта дисциплина была сильно надорвана тремя годами распушенности. Многие опытные генералы и офицеры бежали или эмигрировали. Оставались, конечно, и старые офицеры, способные принести большую пользу. Но работа этих офицеров была сильно затруднена: их подозревали во всем на свете. Многие и ответственные должности занимали прежние низшие офицеры, которые принесли на ответственные посты накопленный долгими годами опыт, но у этих офицеров чаще всего не хватало навыков и знаний, необходимых для несения ответственной команды.

В армии остался прекрасный штаб, но он менялся очень быстро, потому что подозрения якобинцев не позволяли засиживаться на местах сколько-нибудь популярным генералам.

С самого начала военных действий национальная война соединялась с Гражданской. Измена многих генералов французской армии облегчила интервентам проникновение на территорию Франции, а затем наступление на Париж. 18 марта 1793-го французская армия Дюмуре потерпела поражение при Неервиндене. И тогда в конце марта Дюмуре попытался двинуть свою армию в поход на Париж. Армия не пошла за ним, и тогда Дюмуре бежал к австрийцам. Так 10 июля 1918 года командующий Волжским фронтом Красной Армии левый эсер М.А. Муравьев попытался повернуть свои войска против большевиков, но они ему не подчинились. Мятеж подавили кроваво и быстро, но заминка большевиков им дорого обошлась.

Передовая армия Европы

Даже в развале французская армия оставалась передовой. Союзники по примеру Фридриха Великого шли в бой отдельными линиями-шеренгами. А французы вели тактику сомкнутых масс, колонн. По примеру американцев в борьбе за независимость они обрушивали на врага огонь сразу множества стрелков. Плотную колонну бессмысленно было атаковать линиями, она отбивала и атаки конницы.

Качество французской артиллерии тоже было выше союзной.

Новая французская армия

Полководцы союзников вели солдат в бой идеями долга.

Французы защищали Отечество – громадное преимущество с точки зрения духа войск.

Франция могла противопоставить врагу еще одну идею: революционной справедливости. Ее солдаты несли на штыках освобождение от феодализма, равенство, братство и свободу. У них была воодушевлявшая их идея. Они несли счастье всему человечеству!

Еще одно «ноу-хау» революционной Франции – единство офицеров и солдат. Всякий простой рядовой, какого бы происхождения он ни был, мог достичь любых, даже высших должностей в армии.

Ошибки и неудачи карались совершенно беспощадно, но был и шанс на продвижение. В ранце французского солдата лежал маршальский жезл. А в ранце прусского и австрийского – не лежал.

Было очевидно, что регулярная армия не выдержит удара. 23 августа 1793-го Конвент принял Декрет о мобилизации французской нации на борьбу с внешними врагами. В кратчайшие сроки создавались многочисленные формирования добровольцев-волонтеров. Эти полки несли в себе самопожертвование и порыв. Они были готовы идти в огонь, не ожидая оружия и обуви. Но много ли они могли сделать без продовольствия, хорошего оружия, необученные и разутые?

Полуголодные, плохо одетые добровольцы все чаще пользовались предоставленным им законом правом и возвращались к родным очагам. К февралю от 400-тысячной армии осталось всего 228 тыс. человек. Ставка на революционную сознательность и патриотизм не оправдалась, и 24 февраля 1793 года Конвент принял декрет о принудительном рекрутировании еще 300 тыс. человек.

Но что важно: 400 тысяч добровольцев – это 4–4,5 % всего мужского населения Франции. Каждый двадцать пятый пошел воевать ДОБРОВОЛЬНО. А многие ли пруссаки и австрийцы пошли бы?

Наивные австрийцы

Французы пытались атаковать в Бельгии и почти сразу откатились. 1 августа 1792-го главные силы союзников под начальством герцога Брауншвейгского перешли через Рейн и стали сосредотачиваться между Кёльном и Майнцем. Французские эмигранты уверяли, что стоит союзникам вступить во Францию, как Франция восстанет против революционного меньшинства. Герцог решил идти прямо на Париж. Он издал грозную прокламацию, которая имела целью устроить французов. Но тут оказалось: французы герцога и его армии не испугались. Более того, вызывающий тон прокламации возбудил сильнейшее негодование. На пути войск союзников всякий, кто мог, взялся за оружие. Всего через 2 месяца численность французских войск опять превзошла 400 тысяч человек!

Союзники потом объясняли неуспех тем, что в Арденнах скверные дороги и мало продовольствия. Можно подумать, французские войска были сыты и шли по прекрасным дорогам.

20 сентября 1792-го произошла малозначительная сама по себе, но весьма важная по своим последствиям канонада при Вальми. Союзники остановились. Их войска занялись страшным мародерством и еще более восстановили против себя население.

А вот когда французы пошли в контрнаступление, выяснилось: их есть кому поддерживать. Когда генерал де Кюстин разбил войска разных мелких германских владетелей и вошел в Пфальц, революционная партия в Майнце помогла ему овладеть этой крепостью.

Вообще война на Среднем и Верхнем Рейне шла с переменным успехом, и в 1793 году французы отошли. От полного разгрома их избавляло лишь отсутствие согласия в действиях противников и взаимное недоверие между австрийцами и пруссаками.

Но получалось: расчеты союзников на восстания французов не оправдались, а вот французы могли рассчитывать на помощь населения Германии.

Затяжная европейская война

1 февраля 1793 г., тотчас после казни Людовика XVI, Французская республика объявила войну Голландии и Британии. С этого времени Британия встала во главе союзников и очень помогала им субсидиями и частными экспедициями. С помощью своего флота наносила громадный вред колониям и торговле Франции.

Франция оказалась в плотном кольце вражеских войск. Как говорили позже большевики, «в огненном кольце фронтов».

В Нидерландах французы стали терпеть неудачи, завершившиеся 18 марта поражением при Неервиндене. В Альпах, на границе Италии, французы действовали успешно: во многом за счет помощи местного населения. Сардинцы, вступившие в Савойю, были разбиты при Альбаретте (20 сентября) и Вальмени (14 октября) и отступили, но не ушли и оружия не сложили. Война в Пиренеях с испанцами шла вяло, но скорее благоприятно для французов.

«Зато» контрреволюционная война в Вандее разгоралась, а Тулон на юге Франции отбили роялисты, и его заняли англичане и испанцы.

И все же уже в 1794 г. наметился перелом. 26 июня французы разгромили союзников при Флерюсе (или Флерюссе). После этого войска Конвента опять вошли в Бельгию, устранив навсегда вероятность завоевания Франции.

К концу 1794 года французы снова оккупировали Нидерланды и создали на месте этой страны новую Батавскую республику. Смысл не в перемене названия, а в том, что раз появля-

ется новое государство, то и правительство у него новое. Батавская республика заключила союз с Францией. На Рейне на левом берегу реки в руках союзников оставался один лишь Майнц³⁸.

Благодаря устранению внешней опасности большинство депутатов Конвента и решились свергнуть диктатуру Робеспьера.

В Италии французские республиканцы дважды разбили австро-сардинские войска и вторглись в Пьемонт. Итальянцы их поддерживали. Тоскана заключила с Францией отдельный мир, которым обязывалась признать французскую республику и уплатить ей миллион франков.

В 1795 Испания и Пруссия вышли из коалиции союзников. Прусский король уступил Франции все свои зарейнские владения, а вся Северная Германия признавалась нейтральной.

Но в целом война шла затяжная, тяжелая, кровопролитная. Никто не мог добиться решающей победы. Все спорные города и страны по многу раз переходили из рук в руки.

Единственная страна, хоть что-то выигравшая от ведения военных действий, – это Британия. Британцы перевозили экспедиционные корпуса французских роялистов. Роялисты не могли победить республиканцев, но серьезно тревожили их. Британцы захватили часть владений Франции: Корсику и Тулон. Эти приобретения не были прочны – но стратегическая инициатива была у Британии. А самое главное, Британия захватила многие колонии Франции. А когда Батавская республика, бывшая Голландия, под давлением Франции объявила Британии войну, англичане захватили и ее колонии.

Трудно сказать, сколько еще продолжались бы эти, уже почти бессмысленные, войны, если бы не пришел Наполеон.

³⁸ Голицын Н.С. Всеобщая военная история новейших времен. Т. 1.-СПб, 1872–1878.

Часть II. Император республики Франция

*Задумывают революции мудрецы, начинают их глупцы,
а результатами их пользуются подлецы.*

Отто фон Бисмарк

Глава 1. Спаситель нации

Убивал много людей, потому что был очень гениальный.

Граф Л.Н. Толстой

В 1794–1799 годах Франция представляла собой страшное зрелище. Погибло больше миллиона человек; большая часть из них – молодые мужчины, стеной хребет нации. Экономика расстроена. Уровень жизни раза в два ниже, чем в королевское время. Масть страны просто перестала существовать: мертвые, обезлюдевшие деревни, где ветер стучит ставнями пустых домов, заросшие кустарником поля, сытые волки среди бела дня лежат посреди сельских дорог.

Противоборствующие политические силы готовы снова вцепиться друг другу в глотки, их удерживает только вооруженная сила правительства и страх вернуться к ужасам 1793–1794 гг. Во многих провинциях продолжается гражданская война.

Правительство? Директория – это правительство разжиревших за последние годы спекулянтов. Называли их «нувориши», то есть «новые богачи». В современной России не очень почетно название «новый русский». Правительство «новых французов». Представьте себе правительство России 1922 года, состоящее из нэпманов. Причем из трусливых нэпманов, боящихся порвать с революционными традициями. Нэпманов, которые называют себя «комиссарами» и клянутся именами Дзержинского и Троцкого.

Так и нувориши послереволюционной Франции не расставались с «низовым» календарем, с Пантеоном и другими революционными чудесами.

Если отменили максимум, не значит, что все проблемы сразу решились. Цены взлетели, подвоз продовольствия нерегулярный, Париж голодал. Уже на острове Святой Елены Наполеон вспоминал, как однажды на одной из улиц он и офицеры его штаба были остановлены большой толпой возбужденных женщин. С возгласами: «Хлеба! Хлеба!» они окружили плотной стеной офицеров. Одна из женщин, «чудовищно большая и толстая», обратилась с негодующей речью: «Вся эта свора в эпоху издевается над нами; они сами обжираются и жиреют, и им все равно, что бедные люди умирают с голоду». Бонапарт нашелся: «Мать, взгляни на меня хорошенько: кто из нас двоих более жирный?» В толпе раздался взрыв смеха: «Я был в то время тощим, как пергамент», – объяснял это Наполеон. Офицерам удалось пройти.

Эта несчастная голодная страна, живущая вне времени и собственной истории, все время воюет со всем окружающим миром. Страна, которой необходимо, во-первых, подвести итог большому периоду своей истории. Во-вторых, прагматично и жестко решить – куда идти дальше?

Эти задачи смог решить человек, который до конца своих дней говорил по-французски с акцентом. Его титулы выглядят так: генерал французской революционной армии, Первый консул Французской республики (с 1799 г.), император французов (18 мая 1804 г. – 11 апреля 1814 г., 12 марта 1815 г. – 22 июня 1815 г.), король Италии (с 1805 г.), протектор Рейнского союза (с 1806 г.).

При этом французом он себя никогда не считал.

Сын Корсики

Наполеоне Буонапарте родился 15 августа 1769 года в Аяччо, столице острова Корсика. Корсиканцы – особый народ, не итальянцы и не французы. Они говорят на языке, который обычно считают диалектом итальянского; сами же корсиканцы о своем языке более высокого мнения.

Корсика же с 850 по 1034 г. находилась под властью мавров. Потом остров перешел под контроль Генуэзской республики.

В 1755 году Корсика свергла генуэзское господство и с этого времени фактически существовала как самостоятельное государство. Многие страны Европы фактически признавали корсиканскую независимость. Во главе стоял глава повстанческой армии, Паскуале Паоли. Паоли возглавил правительство, провел ряд реформ, основал университет. Отец Наполеона, адвокат Карло Буонапарте, был секретарем Паоли.

В 1768 году Генуэзская республика продала свои права на Корсику французскому королю Людовику XV. Корсиканцы не собирались идти под нового владыку, но в мае 1769 года в битве при Понтенуово французские войска разгромили корсиканских повстанцев. Паоли эмигрировал в Англию. Наполеон родился через 3 месяца после этих событий.

В 1789-м Паоли приехал в революционный Париж, получил полномочия и вернулся на Корсику. Но в 93-м Конвент обвинил его в предательстве. Тогда Паоли собрал совет-«консульту» и с согласия «консульты» передал остров Британии. Британия ничем не помогла. Не получив действенной поддержки, Паоли вновь отправился в изгнание. Умер Паскуале Паоли в Лондоне в 1807 году, когда его земляк Буонапарте, сын его секретаря, уже завоевал пол-Европы.

Карло Буонапарте был одним из составителей Конституции Корсики. Его аристократичная семья известна на острове с начала XVI века. После поражения корсиканцев Карло проявил ценное, хотя и не очень уважаемое качество – гибкость. Карло подчинился французской верховной власти. Он был на хорошем счету у оккупантов и занимал должность асессора.

Наполеон был вторым из 13 детей Карло Буонапарте и Летиции Рамолино. Пятеро детей умерли в раннем возрасте, в семье Карло было 5 сыновей и 3 дочери. Первоначально дети учились в городской школе Аяччо, позже Наполеон и некоторые его братья и сестры обучались письму и математике у аббата. Особых успехов Наполеон достиг в математике.

Добрые оккупанты дали стипендии для двух старших сыновей Карло. В декабре 1778 г. Жозеф и Наполеоне покинули остров и были взяты в колледж в Отене. Главным образом учили их французскому языку. Наполеон был мало способен к языкам. Французский он выучил, но всю свою жизнь говорил с сильным акцентом. Немецкий он учил долго и старательно, но говорить на нем не мог. Уже став императором, Наполеон пожимал плечами: «Разве по-немецки можно понять хоть одно слово?!» Латынь он знал так плохо, что не был допущен к экзаменам.

На следующий год Наполеон поступил в кадетскую школу в Бриенне, а оттуда был переведен в Парижскую военную школу. Друзей в колледже у Наполеона не было, так как он происходил из не слишком богатой семьи. По-прежнему он шокировал учителей своим восхищением Паоли, Корсикой, неприязнью к Франции и к французам как поработителям Корсики. Он часто дрался в этот период и, судя по всему, оставался очень одинок. Друзей у Наполеона практически не было. Учился он в этот период превосходно, очень много читал, составляя обширные конспекты. Бонапарт проявлял необыкновенную работоспособность и трудолюбие. Да и развлечений у него ведь не было.

Писал Наполеон по-французски плохо, делал много ошибок, но любил читать. Его хвалили за стиль. Историю он знал хорошо. Больше всего Наполеона интересовали такие персонажи, как Александр Великий и Юлий Цезарь. Уже с того раннего времени Наполеон чрезы-

чайно много трудился и читал книги в различных областях знаний: путешествия, география, история, стратегия, тактика, артиллерийское дело, философия.

На выпускных экзаменах он 42-й на курсе. Типично, кстати, когда гении в школьные годы вовсе не считаются очень одаренными людьми: видимо, стандартные системы образования малоприспособлены для нестандартных людей.

1 сентября 1785 года Наполеоне выпущен из Парижской военной школы в армию в чине поручика, во 2-й артиллерийский полк Ла Фер. 10 апреля 1786 г. произведен в лейтенанты. В августе 1786 г. он впервые участвовал в «деле», и было это вовсе не генеральное сражение: подавление беспорядков в Лионе.

Буонапарте за 10 лет прошел всю иерархию чинопроизводства в армии тогдашней Франции и вовсе не сделал карьеры. И жил чрезвычайно бедно, питался дважды в день молоком и хлебом. Тем более, после смерти отца 14 февраля 1785 года Наполеон взял на себя роль главы семьи: с ним вместе жил его 11 – летний брат Луи.

Наполеоне на русской службе?

Неудивительно, что Наполеоне не раз пытался найти себе службу получше. В 1788 году, в чине поручика, он пытался поступить на русскую службу: Российская империя набирала волонтеров для участия в войне с Турцией. Генерал-поручик Заборовский готов был принять энергичного корсиканца, но недавно вышел указ: при приеме на русскую службу иностранцев понижать их на чин. Приняли бы, но подпоручиком.

Наполеоне пришел в ярость. Выбегав от Заборовского, он громко крикнул, что предложит свои услуги королю Пруссии: «Мне король Пруссии даст чин капитана». Что характерно, Пруссии свои услуги он не предложил.

Иногда с умным видом говорят, что от таких случайностей и зависят судьбы всего мира. Мало вероятно. Не будь Наполеона, французскую революцию «прикрыл» бы кто-то другой. Забавно представлять себе войну французского императора X с русской армией, возглавленной русским генералиссимусом Наполеоном. Хотя вероятнее всего, в России Наполеон стал бы «только» одним из генералов: не случайно же Отечественная война потребовала русского главнокомандующего Кутузова.

А у Наполеоне, кстати, был и другой вариант устройства, даже получше России. Офицера французской королевской армии Буонапарте неудержимо тянуло на Корсику.

Корсиканский сепаратист

В 1788 г. он приезжает в отпуск на Корсику и разрабатывает проекты укреплений для обороны Сен-Флорана, Ламортиры и залива Аяччо. В августе 1789 г. он вновь испросил отпуск и уехал на Корсику.

Революцию Наполеон встретил восторженно, в 1792 г. вступил в Якобинский клуб. В августе 1791 г. обратился с просьбой о переводе на Корсику. Отказали, и тогда он просит трехмесячный отпуск.

На Корсике Наполеон 22 февраля 1792 г. зачислен в состав Национальной гвардии в чине капитана. 1 апреля 1792 г. избран 2-м подполковником батальона волонтеров Аяччо.

В тот же день Наполеона исключают из списков французской армии: корсиканские волонтеры – сепаратисты. Это вовсе не дружественная армия. Но и на Корсике с Паоли начинаются трения: слишком восторженно отзывается Наполеон о революции во Франции. Тихое оливково-виноградное захолустье хочет независимости, но совершенно не хочет революций.

И вот тут рождается Наполеон, каким мы его знаем: сочетание великолепного специалиста и политического прагматика, чтобы не сказать – циника. Много говорили о связях Напо-

леона с местной мафией. Называли даже организации: «Братья из Аяччо» и «Друзья Свободной Корсики». Смутные литературные отзвуки этих слухов есть и у Конан Дойля в его «Приключениях бригадира Жерара»³⁹

³⁹ Конан Дойль А. Как бригадир уничтожил братьев из Аяччо Конан Дойль А. Собрание сочинений. Том 6. Подвиги бригадира Жерара. Приключения бригадира Жерара. – М., 2009.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.